

Имена московитов:
ономастика
российских
эмигрантов
в Речи Посполитой
во второй
половине XVI —
начале XVII в.*

**Константин Юрьевич
Ерусалимский**

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

The Names of the
Muscovites:
Onomastics of the
Russian Emigration in
the Polish-Lithuanian
Commonwealth in
the 16th — Early 17th
Centuries

Konstantin Yu. Erusalimskiy

Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

Резюме

В статье выявлены пути трансформации личных имен выходцев из Российского государства в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, а также в первые десятилетия существования Речи Посполитой. Выявлено

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00432). Помимо коллег, на чьи исследования я ссылаюсь в данной статье, хотелось бы поблагодарить Ролана Марти, О. А. Остапчук и М. Н. Саенко за ценные замечания, которые существенно помогли мне и позволили уточнить и исправить ряд тезисов.

Цитирование: *Ерусалимский К. Ю.* Имена московитов: ономастика российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI — начале XVII в. // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. С. 278–316.
Citation: *Erusalimskiy K. Yu.* (2022) The Names of the Muscovites: Onomastics of the Russian Emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th — Early 17th Centuries. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 278–316.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.2.13

девять типов формирования фамильных прозвищ, общие тенденции в интеграции патронимов и личных имен, изучены причины сохранения ряда имен без изменений, а также рассмотрены имена уникальные и не характерные для российского контекста. Работа позволяет уточнить и дополнить словарные данные Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского и обосновать возможные способы идентификации личности эмигрантов на основе сохранившихся форм.

Ключевые слова

ономастика, российская эмиграция в Речи Посполитой, Московская Русь

Abstract

The article describes the ways of transformation of the personal names of the émigrés from the Russian state in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania, and during the first decades of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The family names could undergo transformations in nine possible ways. The peculiarities of integration of the patronyms and personal names are also studied, along with the rare and unique names, untypical for the Russian cultural context. The author extends the onomastic databases by Nikolai Tupikov and Stepan Veselovsky and elaborates on the means of personal identification based on the forms extant in the sources.

Keywords

onomastics, Russian emigration in the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite Rus'

Историческое значение личных имен и образованных от них ономастических форм в изучении межкультурной коммуникации — отдельный предмет ономастики как науки. В этом смысле смена имени при переходе его носителя в новую культурную среду заслуживает исследований уже в силу того, что позволяет решать вопросы идентификации личности, генеалогии, религиозных контактов, политической истории. Как мы постараемся показать в данной работе, смена и сохранение имени в эмиграции — еще и ответственное решение, выбор, осуществляемый личностью перед лицом интеграции. Попытки изучить имена москвитов в Короне Польской и Великом княжестве Литовском предпринимались еще в XIX в., однако выводы делались на узком круге источников, а понятийный аппарат исследователей, как правило, сводился к этнополитическим проблемам. Историки рубежа XIX–XX вв. видели в именах проявление культурного присутствия на спорных землях или родства между национальными традициями, которые условно определялись как «русские» или «древнерусские». При этом значение этих понятий нередко вызывало дискуссии [Владимирский-Буданов 1886; Jabłonowski 1893; Грушевський 1995; Tomkiewicz 1948]. Настоящая работа выполнена на основе базы примерно на 1200 имен эмигрантов-москвитов,

оказавшихся на землях Короны Польской и Великого княжества Литовского во второй половине XVI — начале XVII в. Нет оснований сомневаться в иностранном происхождении московитов, упомянутых с соответствующими прозвищами. Крайне редко так могли называть местных жителей (например, какое-то время проводших в Российском государстве) и в единичных случаях — потомков эмигрантов (хотя подобные случаи известны, не всегда можно доказать, что данный потомок родился уже в эмиграции на территории Короны или Литвы).

К «московитам» источники относят подданных великого князя московского, однако вплоть до Ливонской войны выходцы из северских земель, Твери, Новгорода, Пскова и др. в Короне Польской и Великом княжестве Литовском иногда выступают с их признанными здесь политонимами «со Твера», «Новгородец», «Псковитин» и т. п.¹ Например, в первой половине XVI в. идентификации местных *русин* «Львовской Руси» и, видимо, других земель Короны Польской накладывались на *московитов*. Об этом говорит использование то одного, то другого идентификата к Василию Кибалке (Кибальчичу) или Ивану Федорову (Федоровичу) [Крип'якевич 1994: 192 (№ 377, 31 октября 1531 г.: «pro Waskione Mosquyczyn»), 197 (№ 394, 28 августа 1532 г.: «adversus... Wasilconem Kybalka Rutenum»), 222 (№ 486, 10 сентября 1535 г.: «Waskio Kybalka Rutenus») и т. д. по указателю]². Прозвище, образованное от этнонима, в польско-литовских источниках указывало на этнополитическое происхождение человека, однако основывалось на единственном критерии — подданстве его носителя до получения прав во владениях польского короля и великого князя литовского. К этой же группе могут быть отнесены списки, в которых зарегистрированные лица не содержат этнонимических прозвищ, но распределены по этническим группам. Показательны в этом ряду списки пленных, реестры Архива войсковой казны, Архива коронной казны Короны Польской,

¹ Купцы и другие агенты великого князя московского обычно четко идентифицируются в источниках и отличаются от перебежчиков-московитов. Во львовских актовых книгах сведения о купцах из русских княжеств встречаются уже в начале XV в. (1405, 1438, 1445 гг.). Упоминания московских купцов во второй половине XVI в. включают их определения «купец князя великого московского» (о смоленском купце Василии Ивановиче Познякове, Луцкий городской суд, 16 февраля 1561 г.), «торговый российский человек» (о Степане Котове, 1593 г.), «московские купцы» (Дубенский городской суд, 10 мая 1658 г.) и т. п. Но имена российских подданных пишутся в ряде случаев так же, как и имена польско-литовских московитов. В 1640 г. на ярмарку в Ярославль, Луцк и Константинов приезжал царский купец И. С. Кадашевец, который фигурирует в львовских актовых книгах как «Иван Стефанович» и «Иван Москвитин»: [Крип'якевич 1953; Ковальский 1956: 387–401; Idem 1985: 7–24].

² Все опубликованные здесь выдержки из актовых книг основаны на [КМЛ, спр. 10]. Иван Федоров в актовых записях Львова — «друкарь-русин» и «Иван Москвитянин» [Ковальский 1972: 60–61].

люстрации замков, реестры присяги шляхты Короне Польской после заключения Люблинской унии.

Ко второй группе следует отнести перечни имен без дополнительной этнической маркировки. Московское происхождение названных в них лиц может подразумеваться и не требовать дополнительного обоснования. В этом качестве выступают, например, реестры московского делопроизводства — родословные, разрядные, а также поминальные книги православных храмов и монастырей России и Польско-Литовского государства. Не поддается такому исследованию реестр имений шляхтича, где упомянуты плательщики под именами «Иванко», «Федец», «Гарасим» и т. д.³ Не поддается ему и список запорожских казаков, принесших присягу царю, так как в нем обозначены этнонимическими прозвищами или этнонимами только иноземцы по отношению к самим запорожцам и по отношению к России [ДРАИУ, 1: 200–218 (реестр казаков 4 января 1619 г.)]. Вычленив московитов при этом невозможно.

Не во всех случаях прозвище «Московит» и т. п. приписано к имени выходца из России. Различные источники, в том числе и однотипные, то отражают факт происхождения человека, то замалчивают. Солдат венгерской гвардии Стефана Батория Афанасий в одних реестрах выступает под одним только именем «Оранас», а в других — в сопровождении политонима «Moschus»⁴.

В тех случаях, когда имя, обнаруженное в польско-литовской документации, может свидетельствовать о московском происхождении, мы предпочитаем не опираться на антропонимические предположения, а по возможности проверять гипотезу другими источниками⁵. Связано это, прежде всего, с тем, что различия между русскими именами в Польско-Литовском и Московском государствах были незначительны и отличить польско-литовского русского от московита по одному личному имени практически невозможно⁶. Примером научной осторожности в обра-

³ Такие реестры часто встречаются в актовых книгах местных судов Речи Посполитой. См., например: [КЗК, оп. 1, спр. 5, арк. 11–11зв. (реестр кременецкого имения Корытна Павла Корытенского, октябрь 1577 г.)].

⁴ См., например: [ASK, dz. 1, Rachunki Królewskie, № 259, к. 34v, 49v, 96 (реестры 1580–1581 гг.)].

⁵ В польско-литовских источниках раннего нового времени этнический состав населения прописан фрагментарно, и опасность антропонимической методики в реконструкции этнотерриториального происхождения жителей Речи Посполитой осознавалась уже давно. См. дискуссии: [Lück 1934; Górski 1954; Sękowski 1964; Urban 1983].

⁶ А. Янечек вслед за В. Урбаном (см. предыд. прим.) признает, что масштабные национально-территориальные идентификации в источниках XVI–XVII вв. неточны, а антропонимические данные ненадежны. В. Урбан особый акцент делал на изучении подписей в актах, считая, что они позволяют на основе языкового и графического анализа добиваться лучших результатов. Однако,

шении с реестрами может служить рассуждение А. Яблоновского о полиэтнической основе украинского населения конца XV — середины XVI в.:

Кто усомнится в чистоте славянской крови, например, потомков Манчура из Житомира — Чернышевичей? А подумает ли кто-то, что Вовчок в Виннице не прирожденный русин, если в реестре к его имени не добавлено «Ляшков сын»? Кто вспомнит, что киевские земляне Ивашкевичи, Ленькевичи армянской крови? А когда встречаются прозвища Аксак, Байбуза, Балакиер, Берендей, Сынгур или Солтан и т. п., тогда только ставят знак вопроса [Jabłonowski 1893: 427].

Таким образом, А. Яблоновский показал бесперспективность поисков «славянской крови» и обозначил осторожную методику выявления исторической родины личности по территориальным, этнополитическим и этноконфессиональным прозвищам.

Интерпретации места происхождения носителя имени охватывают в нашей работе только те имена, в которых содержится обозначение региона, местности, города и т. п.⁷ Наконец, необходимо обозначить проблему, решить которую мы уже, видимо, не в силах. Дело в том, что ни реестры, ни прочие известные ныне источники не позволяют понять, в каких случаях прозвище «Москаль» является идентификатором этничности, политического подданства, в целом — принадлежности в прошлом к московским землям, аналогичным прозвищам «Влох», «Татарин», «Сербин», «Литвин», «Полешенин», а в каких — окказиональным наименованием или пейоративом. Мы исходим из того, что подобные прозвища, как правило, содержат информацию о происхождении и продолжительной региональной причастности их носителей.

Когда А. Яблоновский по именам прослеживает следы заселения украинских земель поляками, армянами и татарами, он не упоминает имен, сохраняющих следы своего пришлого московского происхождения. В тех случаях, когда москвиты меняли свои имена на местные частично или полностью, установить факт таких замен источники позволяют лишь в единичных случаях. Эту проблему пересматривал В. Томкевич, дискутируя с украинскими историками о поляках в рядах казаков:

Из-за совершенно иных сегодняшних критериев в определении национальности, из-за звукового подобия польских и украинских фамилий, из-за фантастической орфографии того времени, наконец, из-за того факта, что запорожские иммигранты (о чем, кажется, совершенно забывают украин-

как отметил А. Янечек, эта методика ущербна, если изучению подлежат «круги, подверженные сильной культурной диффузии». Для таких общностей важно использование генеалогической методики [Janeczke 1991: 200, przym. 27].

⁷ Мы следуем уже сложившейся исследовательской практике. См., например: [Luber 1983: 370–371].

ские историки) почти всегда и особенно в XVII в. меняли фамилии и были известны под довольно часто меняющимися прозвищами — сегодня неизмеримо трудно выловить в ряду казаческих фамилий тех, кто имел польское происхождение [Tomkiewicz 1948: 257].

Для реалий московско-литовских отношений эта проблема не стояла так остро, как для польско-литовских, однако ее необходимо, с соответствующими оговорками, переформулировать и задуматься о «говорящих» именах московского происхождения. Придать всем московским личным именам сугубо польско-литовское звучание не составляло труда, и этому также способствовали и «звуковое подобие» имен, и «фантастическая орфография» XVI–XVII вв.

Можно допустить, что некоторые литвины и поляки, носившие общерусские имена, происходили из России и с подвластных ей земель. Указаниями на территориальную идентичность иногда служили характерные для москвитов суффиксы в именах. Московские имена чаще встречаются с конечными *-ов* и *-ин* вместо характерных для польско-литовского континуума *-ский*, *-ski*. Для Москвы XV–XVII вв. суффикс *-ский* в отчестве и дедичестве был показателем высшего придворного статуса носителя такого имени, тогда как в Польско-Литовском государстве он не был показателем особой милости короля или приближенности к трону его носителя [Казаков 2009; Казакоў 2010: 31–35]. Еще один признак московского звучания имени — наличие слова *сын* в предпозиции или постпозиции по отношению к имени отца (Иван Петров сын).

Впрочем, методика разграничения имен по этим признакам в польско-литовских источниках не может принести во всех случаях надежные результаты. Дело в том, что литвины и польские русские нередко образовывали от своих родовых имен имена и прозвища на *-ов* и *-ин*⁸,

⁸ Примером может служить имя лесничего крынского, одельского и кузницкого — Ивана Собакина [ЛМ-47, л. 123–123об. Кнышин, 27 января 1567 г.]. Нет сведений, что эмигрантами из восточных русских земель были, к примеру, ездивший в уряд жаловаться на кн. А. М. Курбского слуга княгини Ганны Деспотовны Збаражской Олехно Духов [КТВ, спр. 8, арк. 73зв.–76зв. 30 апреля 1574 г.], вдова Евфимия Савина [КМЛ-19, с. 239–240. После дня св. Франциска 1585 г.] или Орихна Бубнова Иванова [КМЛ-19, с. 463–464. 1 мая 1586 г.], витебские мешане Митяевы (ЛМ-77, л. 646об.–649. Краков, 7 ноября 1595 г.), могилевский мешанин Канюта Морозов [ЛМ-286, л. 105об. Варшава, 14 апреля 1597 г.], Иван Греков (КГреков), владевший на пожизненном праве с. Справдайти волости Поюурской Упитского повета [ЛМ-285, л. 311–311об. Варшава, 18 ноября 1597 г.], держатель с. Решкетяны на Жмуди Иван Борыгин (Борыкгин) [ЛМ-285, л. 464–464об. Варшава, 20 марта 1599 г.], возный Жмудского земского уряда Лукаш Колотов [ŽŽT 1601, rassim], шляхтич Луцкого и Менского повета Матфей Околов [Canegi, спр. 208, арк. 1–1зв. 20 апреля 1607 г.]. В реестре вылат за реставрацию Каменецкого замка 1546 г. носителей имен «Ioannes Lwow», «Vasko Kulikow», «Valen-Lukow», «Jacobus Oflow» и т. п. нет оснований причислять к москвитам. «Львов» является оттопонимическим прозвищем и встречается с рядом других имен (Franciscus, Jaroszus, Andr-, Jacobus, Stefanus, Simon, Micolaus). Имя Франциска Львова

а написание имени литвина и польского русского с *сын* встречается в источниках XVI–XVII вв.⁹ В тех случаях, когда нет ни прямых, ни косвенных оснований причислять данных лиц к москвитам, строить предположения на основе одних только прозвищ опасно, особенно учитывая, что эти лица выступают в источниках заурядно в одном ряду с подданными польско-литовских суверенов. К сходным выводам подталкивают наблюдения Ирены Мытник за антропонимией украинской шляхты и боярства XVI–XVII вв. Форманты *-ов* и *-ин (-ын)* были значительно менее продуктивны, чем *-ский (-ский)* и *-вич*, и тем не менее были известны [Мутник 2013: 193]. Общая тенденция к полонизации ономастикона обнаруживается и на материалах холмского ономастикона XV–XVII вв. и связывается исследовательницей со все большим проникновением шляхты польского происхождения в данный регион [Eadem 2019].

Тем не менее есть ряд общих тенденций, характеризующих имена москвитов в эмиграции, о которых можно сказать, опираясь на обширный, хотя и не всегда репрезентативный, комплекс данных реестра эмигрантов и пленных за середину XVI – начало XVII в. Специфические процессы в прозвищах можно описать, распределив эти процессы на девять типов.

Первый тип. Семейное прозвище иногда испытывает амплификацию по модели *Бурцев (Бурцов) – Бурцевич (Бурцович) – Бурцевский (Бурцовский)*. В ряде случаев в источниках фиксируется только первый и второй либо первый и третий этап в этой модели: *Борисов – Борисович; Валуев (Волуев) – Волуевич; Дударов – Дударович (Дудорович); Казанов (Козунова, Козонов, Кузонов, Кузанов) – Казанович (Козанович); Иевлев (Iewlew, Iawlew) – *Иевлевич* (в лат. *Iewlewicz*)¹⁰; **Кошелев* (в лат.

пишется также в латинской форме «Franciscus d- Leopo-», т. е. Франциск из Львова. Оттопонимическими прозвищами являются также «Cracovia», «Garwolin», «Wissnia», «Groddek», «Lomza», «Vilno», «Warszawa», «Sambor», «Ostrog» и др. Это заставляет видеть также и в других названных прозвищах топонимическую основу (города Луков, Куликов, Орлов), допустимую и в польско-литовских прозвищах [ASK, dz. 1, № 133, k. 7–11v, 21–24v, 26–29, 88–97 etc.; № 136, k. 8–27, 61–97 etc.].

⁹ См.: [ASK, Archiwum Skarbu Wojskowego, dz. 85, № 67, Kk. 26–26v]. Здесь в реестре воинов Псковского похода короля Стефана Батория, составленном под Витебском 6 августа 1581 г., форма с *сын* не может быть показателем московского происхождения личности. Вот запись состава первого десятка роты Бельского воеводства: «Dzie 1: Miscko Sokoly Voly. Michailo Charithanowicz s Xieza. Liewko Chwiodorow sin z Usthiskowa. Fider Sienkow sin z Udynicz. Pawel Klikow sin z Rakowod. Chricz Sthephanow sin s Pobuza. Boris Korosthka Sokoly Voly. Oliexa Piothrow sin s Czania. Ichnath Kniaziew sin Phiedorowiczow z Nieznanowa. Ichnath Kniaziew sin z Grubony Voly», и т. д. Данная форма с *сын* является не единственным, но устойчивым обозначением выходцев из восточных земель Речи Посполитой на всем протяжении данного реестра.

¹⁰ Здесь и далее знаком «*» обозначаем формы, которые в рассмотренных нами источниках о москвитях в эмиграции не встречались, но известны по другим современным источникам.

Kussieliow; предположительное родство см.: В. Я. Кушелев) — *Кошелевский* (*Кушелевский, Кишелевский*); **Левантин* (в лат. *Levantin*) — **Левантович* (в лат. *Lewantowicz*); **Мамкеев* (в лат. *Mamkieiew*) — **Мамкевич* (в лат. *Matkiewicz*); *Милюков* — *Милюкович*; *Некрашев* (*Некрашов*) — *Некрашевич* (**Некрашович, Niekraszowicz*); *Федоров* — *Федорович*; **Щеголев* — *Щоголевич*. Московским является только первый этап в данной модели. Второй и третий тоже напоминали московские высокопоставленные, нередко княжеские и думные фамилии, а также прозвища польско-литовских иноземцев на царской службе. В украинской традиции, прежде всего на Волыни XVI–XVII вв., формы на *-ский* (*-ский*) были выражены слабее, чем в западных землях Короны Польской. При этом формант *-овиц* (*-евич*), *-ович* (*-евич*) закрепился еще в XV в. (особенно у шляхты львовской и галицкой), чаще всего — при создании патронимов, и восходит ко временам русских княжеств [Mutnik 2013: 191–192]¹¹. В случае И. И. Бурцева данный механизм воспринимался как интегративный, а прозвище *Бурцевский* — как знак вхождения в шляхетский социум. Близкой к данному типу является форма фамильного прозвища, образованная прямо от отчества — прямо можно выявить подобный тип в прозвище сына эмигранта, Ивана Умаровича Сарыхозина, который нередко выступает в актовых книгах жмудских судов под своим полным именем или сокращенно *Умарович*. Предположительно потомком эмигранта Золотого Квашнина был шляхтич А. Кваснинский-Злотый, что позволяет наметить развитие прозвища: *Квашнин* — *Кваснинский*. Недостаточно данных, чтобы понять, был ли «москоленок» Иван Милютинич сыном *Милютина* или *Милюты*. И как звучало бы «московское» прозвище боевого слуги кн. А. М. Курбского *Крышковский* и плененного С. Стадницким в Псковском походе сына боярского по фамилии *Лабодинский* (*Лабондинский*). Приходится оставить без объяснения и формальное отчество (второй компонент имени) Ивана Панкратовича, известное только в латинской форме *Iwan Panglathowicz* или *Panglathovicz* (его жена названа в тех же реестрах пленных из Архива Войсковой Казны — в дат. п. *Iwanowej Pugayelowej*). Фамилия *Куницкий* при этом встречается уже явно в одном из самых ранних пожалований Андрею Куницкому, по всей видимости, вскоре после эмиграции в Великое княжество Литовское — в таком виде его и следует видеть еще в России, где С. Б. Веселовский [1974: 171] отмечает прозвища *Куница*, *Куницын*, известные в дьяческой среде. Формально похожая

¹¹ Показательно в данном контексте, что москвиты в первом поколении, не имеющие местных корней в украинских воеводствах, не носили и не принимали, выехав на королевскую службу из России, типичных для местных жителей прозвищ с формантами *-ук* (*-юк, -чук*), *-еня* и *-енко*.

фамилия без суффикса *-ский* (см. *Кункин*) вряд ли имеет отношение к этому москвиту, тогда как эмигрировавшие за несколько лет до пожалования А. Куницкому Сергей и Степан Андреевичи Кучицкие (также *Кучыцкий*, *Кучинский*) вряд ли по стечению обстоятельств оказались в тех же краях, что и этот сын боярский (под Олитой). Возможно, он — их отец, а фамильные прозвища отца и сыновей по каким-то причинам претерпели незначительные изменения. Служилый татарин по фамилии *Купцевич* мог получить эту фамилию уже в эмиграции (возможно, от прозвища *Купец*).

Второй тип — устранение суффикса из прозвища. Например, *Бибиков* превращался в *Бибик* (*Бибин*), *Бунаков* — в *Бунак* (*Буйнак*, *Бонак*), *Воейков* — в **Воейк* или **Воейко* (*Woieiko*), *Голохвастов* — в *Олофаст*, *Дурасов* (*Дарасов*, *Рудасов*) — в *Дурас*, *Жуков* — в *Жук*, *Зверев* (*Зверов*) — в *Зверь*, *Коверзин* (*Коверзиных*) — в *Коверза*, *Кокошкин* — в *Кошкин* и *Кокошник*, *Нащекин* (*Нащокин*, *Nassczokin*, *Nasciokinius*, *Naszczekin*, *Naszczekin*, *Naszczakien*, *Naszczekin*, *Nasieykin*, вин. *Naszczoknia*, вин. *Naszczokina*) — в **Нащек* (*Nassczek'*), *Охлябинин* — в *Охлебин*, *Салтыков* — *Солтык* (*Sołtyk*), *Слизов* (*Slizow*, *Slisow*) — в *Слизень*, *Трубицын* (*Трубицин*, *Трыбицин*) — в *Трубича*, *Цвиленев* — *Цвелень*, *Чихачев* (*Чихочев*, *Чихочов*) — в **Чихач* (род. *Czuchacza*), *Шереметев* — в **Шеремет* (*Seremetus*, *Seremet*). Возможно, по этой же модели менялось прозвище В. З. Жохова (*Zochow*), который в латинском реестре Королевской Казны значится в дат. *Vasylio Sooko* (т. е. **Жох* или **Жохо*). Возможно развитие по этому же типу прозвища *Карамышев* — **Крамисса* или **Крамиша* (*Kramissa*). Неясно, был ли сын боярский Иван Дмитров Бахтияр (*Бахтыяр*) до эмиграции *Бахтияров* или его прозвище в Литовской Метрике и есть его московское третье имя (ср. с прозвищами пятого типа). Впрочем, в имени О. Бахтияра Измайлова сходный механизм работал: **Бахтияров* (*Бехтияров*) — *Бахтияр* (*Бахтыяр*, *Бехтеяр*, *Vachtaier*, *Vachtaier*, *Vehtiar*, дат. *Bechderowi*). В свою очередь нет никаких данных, что слуги кн. А. М. Курбского татарского происхождения *Калыметы* (*Калымет*, *Калемет*, *Келемет*, *Килемет*, *Канымет*) до эмиграции носили прозвище с суффиксом *-ов*. Редукция суффикса из фамильного прозвища после эмиграции может рассматриваться как возвращение к исконному прозвищу, от которого образованы эти фамилии, однако вряд ли речь идет о функционировании исторической памяти и воспоминании Бунаковых о своем предке Бунаке, Дурасовых — о Дурасе и т. д. Скорее происходила стилизация аналогичных польско-литовских шляхетских фамилий.

Третий тип соединял элементы первых двух. С одной стороны, происходило сокращение фамилии, с другой — расширение обновленного

прозвища за счет местных суффиксов. Например, так преобразовались прозвища *Кайсаров* — в *Кайсар* или **Кейсар* — *Кейсарович* (о нем см. также девятый тип), *Криженин* — *Крижин* (*Крижын, Крыжын*, дат. *Chryzini*) — *Крейжич*; *Кушников* — *Кушник* — *Кушникович*; *Ододуров* (*Ододоров*) — *Одоров* — *Ододорович*; **Ушаков* (*Isakow*) — *Ушак* (*Вшак, Uszak*) — **Ушакович* (*Ussakowicz*); *Шарапов* — *Шарана* — *Шарапович* (*Шерапович*). Показательно, что и прозвище князей Пятигорских из России претерпело в Речи Посполитой модификации по данному типу: с *Петигорских Черкас, Петигорский, Петигорец, Печигорский, Piethyhorecz, Pieth*.

Четвертый тип — фонетические замены по разнообразным языковым и экстралингвистическим причинам (ряд мен см. также в трансформациях первого — третьего типов). Русское-московское произношение накладывалось после эмиграции на местные речевые особенности¹². Общие процессы отражают фонетические и прочие языковые различия между московским письменным русским языком и языками Короны Польской и Великого княжества Литовского¹³. Например, фамилии Гаврютиных и Голохвастовых имели тенденцию восприниматься с *з* фрикативным, поскольку их написание по московскому образцу (а не через диграф *кz*) заставляло принимать начальную букву как обозначение фрикативного звука. В позиции перед *-о-* звук *з* мог терять устойчивость и опускаться (*Obrutin, Олофаст*). Нельзя исключать и того, что и в московском, и в рутенском языках звук *з* произносился как фрикативный, но утрачивался он уже в польско-рутенском языковом окружении. Фамилия А. И. Вельяминова пишется в польско-литовских источниках: *Велеминов, Wielaminow, Wyliamynow, Wielaminów, Wielgiminow, Wielgimino, Weldzeminow*. Князья Желиховские свое фамильное прозвище поддерживают именно в этой форме, сильно искажающей их древнюю княжескую фамилию *Селиховский, Селеховский*. В. Замесский выступает также под своей фамилией в форме *Амасский*. К. И. Зубцовский

¹² Модификации европейских имен в России XVI–XVII в. изучались в [Полонский 2012]. Очередная смена подданства и репатриация европейцев также приносят ценные источники для данной проблемы, которые в этой работе специально не рассматриваются. При это показательно, что для польско-литовского делопроизводства XVI–XVII вв. нехарактерно использование московских уничтожительных формантов, а имена подлежат особым модификациям (в том числе маркирующим статус), которые мы рассмотрим ниже в этой работе.

¹³ Следует оговориться, что часть имен пленных и эмигрантов в Речи Посполитой известна нам только по московским посольским источникам, оговаривающим их репатриацию (об этом см. здесь ниже). Тенденции к славянизации имен местных неславян в XVI–XVIII вв. исследователи отмечают в актовых книгах судов Великого княжества Литовского. В этом ряду выходцы из Московского государства не привлекали внимания исследователей. По всей видимости, они рассматриваются как часть местных русинов [Ragauskaitė 2005].

(Zubcowski) также — *Жубцовский*. Прозвище сына боярского В. Ильина пишется латиницей: *Ilhyn, Ilgin* (при этом вдова какого-то москвитя Илья или Ильина — в дат. *Ilyinowej*). Фамильное прозвище Кашкаровых выступает в польско-литовских источниках во множестве несходных между собой вариантов: *Кошкаров, Кошкорев, Кошкорон, Кошкорын, Koskuraw, Kaszkarow, Asczarow*. Сын боярский *Киселев* пишется также *Солев* и *Селев*. Неясно, по каким причинам прозвище *Кореев* применяется к тому же сыну боярскому, который носит фамилию *Каратаев*, а *Костомаров* (*Кастомаров, Костамапов*) выступает под фамилией *Короваев*. Прозвище *Моневский* в латинской версии претерпевает самые необычные преобразования: *Moniewski, Mamieiewski, Moniaski*. Родовое и фамильное прозвище князей Курбских нередко пишется в форме *Курпский* и смешивается с местным прозвищем *Крупский*, что привело во второй половине XVII в. даже к подмене и самозванству со стороны польско-литовских шляхтичей Крупских, которые эмигрировали («вернулись») в Москву под именем князей Курбских. Написание родового прозвания князей Оболенских варьирует, встречаются формы *Оболинский, Обылинский, Obolinsky*. В одном из прозвищ князей Телятевских Микулинских в эмиграции — *Telatowski, Telakowski, Tilakowski*. Предсказуемые мены происходят также и в прозвище кн. П. И. Хворостинина — *Форощенин, Форостенин*. Прозвище кн. В. И. Темкина также — *Томкин*. Прозвище *Огалин* пишется также: *Агалин, Огилин*. Прозвище *Одоевцев* также: *Одоевцов, Одуевцов*. Или *Османов* — также: *Есманов; Перхуров — Перфуров, Перфурьев, *Пертенов* (вин. *Piertenowa*); *Поросукон — Парсуков, Порсуков, Parasikow*; *Похвинов — Похвистнев; Проваторхов — Проваторф; Ржевский — *Ржовский* (*Rzowski, Rzowski, Rzowski*); *Рупосов — Русопов; Сарыхозин (Сарыгозин) — Сарихозин, Сарисозин, Серехозин, Ярихозин, Сарихожин, Сырозин, Sarychozin, Sarychozin, Scariguzin* и др.; **Тараканов — Тороканов; Хвостов — Фостов* (*Chwostow*); **Щербачев (Sczerbaczow) — *Щербаков (Sczerbakow)*. Неясно, какая форма исходная в прозвище: *Iablow, Siablow*. Вероятно, **Зяблов* — ее мы и принимаем как основную. Подобные мены были весьма популярным средством диалога и борьбы в годы Смуты [Флоря 2002: 130–131].

Пятый тип — превращение прозвания в основное имя или даже в фамильное прозвище. По этой схеме в источниках выступают как исконно первые имена *Бахтияр* (*Бахтыяр, Бехтеяр, Бехтияров, Bachtaiar, Bachtaiar, Bechtiar*, дат. *Bechderowi*) (см. также фамилии второго типа), *Водопьян* (*Wodorian, Wodorian*), *Детина Полонничок, Дружина Зять, Орел* (*Orzeł*) (в функции отчества — *Орлов Дмитров* (*Orlow Dmitrow*)), так и вторые — *Обрутин* (см. четвертый тип) или *Умарович* (см. первый тип). Эта логика сходна с той, которая превратила в ряде источников

имена Заболоцкого *Владимир*, Сарыхозиных *Умар* и *Агиш* в своем роде в персональное имя, при помощи которого называлось одно единственное лицо. Однако по форме она же приближает некоторые из названных имен к названному выше второму типу — *Водопьян* (возможно, от *Водопьянов*) или *Орел* (от *Орлов*). Некоторые прозвища вполне сходно с московскими делопроизводственными источниками прибавлены к личным именам, образуя двуединство: *Богдан Спячий*, *Василий Голова*, *Василий Кибалка* (*Кибалчич*), *Василий Шишка Ласица*, *Василий Чапля*, *Василий Черный*, *Иван Акушкович*, *Иван Блохима* (*Iwan Blochima*), *Матвей* (*Матфей*) *Брычиха*, *Иван Бобровник*, *Иван Буза* (*Бузан*) (*Ioannes Viza*), (*Иван*) *Иванов Верецака*, *Иван Водопьян*, *Иван Гломаздич*, *Иван Грешный*, *Ларион Остафьевич Домашний* и *Иван Домашний*, *Иван Лосинич* (в дат. по лат. *Iwano Losincz*), *Михаил Невежа*, *Иван Норовитый* (*Нороватый*) (в вин. *Ywana Norowatoho*), *Иван Платнер*, *Иван Погожий* (в вин. *Ywana Pohozoho*), *Иван Путята* (*Iwan Puszczyn*), *Иван Смирный* (*Ильич*), *Кирилл Борисович Смирный*, *Иван Толстый* (*Tolsti*) (см. также ряд примеров седьмого типа). Пример образования *Кибалчич* говорит о том, что подобные имена могли трансформироваться по модели первого типа (из *Кибалка*), а пример *Чапля* — возможно, по модели второго типа (из *Чаплин*). Впрочем, возможно, что известный Литовской Метрике за конец 1550-х гг. *Василий Чаплинка* идентичен с берестейским шляхтичем-москвитом 1560-х — конца 1590-х гг. *Василием Чаплей*. В таком случае превращение *Чаплинки* в *Чаплю* происходит по особой модели, предполагающей устранение уменьшительного суффикса из прозвища для образования стабильного местного прозвания.

Шестой тип представлен именами с указанием старшинства или номера в череде рождений в родительской семье: *Третьяк* (*Trecziak*) (1569 г.), *Третьяк* (*Trzecziak*) (1576 г.), *Третьяк Богданович Матюков*, *Третьяк Бурков* (*Trzecziak Iwanow sin Burkow*), *Третьяк Иванович*, *Третьяк Лукьянович*, *Третьяк Остафьевич Монеvский* (*Trzecziak Moniewski, Matieiewski, Moniaski*), *Третьяк Федорович*, *Ян Третьяк*, *И. Третьяков* (*Иванко Третьяков*), *Б. В. Третьяков*, *Л. М. Третьяков Раков* (*Lukian Tretrakosz Rakoff, Lukian Tretiakow Rakow, Lukian Tretiakow Rakou, Lukian Trzeciakow Rakow, Lukian Tretiakow*), *Четвертой Кудеяров*, *Пятый* (слуга *И. В. Ляцкого*), *Пятый Духанин*, *З. В. Пятый Венрев* (*Захар, Захаряш* и др., *Zachariasz Piąti*), *Пятый Мартин*, *Иосиф* (*Есиф*) *Пятый Микитич Тараканов* (*Тороканов*) *Калиновский* (см. также девятый тип), *Пятой Фурсов*, *В. Шестого Нармоцкий* (*Васька Шестово сын Нармотцково*), *Шестак Трубицын* (*Трубицин, Трыбицин*), *Василий Великого Шестунов*, *Семашко Сединцович*, *Осьмой Михайлов Непейцын* (*Asmoi Michalowicz*), *Н. И. и Ю. Ф. Девятые Кашкаровы*, *Михаил Григорьев Десятого* (*Десятый*) и его

сын *Иван Десятый*. Старшинство лишается генеалогического смысла вне московских связей эмигранта (что косвенно доказывает превращение таких прозвищ в именные), однако не исчезает в польско-литовской эмиграции, нередко сохраняясь в функции первого имени: *Малец* (*Maliec*), *Мальцов*, *Меньшак* (*Меншак*, *Menszik*), *Меньшой Артемов*, *Меньшой Калитин*, *Б. Меньшой Колычев* (*Mindzan Kołyczow*, *Mienszoj Koliczow*, *Mienszey Koliczow*), *Н. Меньшой Радилон* (*Mienczaj Radzilow*). Иногда подобные дополнения превращаются в основные прозвища и выступают в польско-литовских источниках без личных и фамильных имен. Однако можно предположить, что имена типа *Ян Третьяк* образованы из имени личного *Иван* (*Ян*) и отчества или дедичества *Третьяков*, лишённого суффикса по модели второго из названных здесь типов образования фамильных прозвищ. В таком случае *Третьяк* в позиции первого имени значит личное имя, а в позиции второго — отчество или дедичество (т. е., по сути, фамильное прозвище). В целом, имена, отражающие отношение родителей к своему чаду, были часты в России и переносились с минимальными изменениями в эмиграцию, главным образом в роли первых имен (см. ниже об имени *Теодор* / *Федор* / *Богдан*).

Седьмой тип. Имеется ряд прозвищ, которые трудно отнести к какой-либо категории, но они говорят о том, что прозвища в эмиграции служили нередко единственными обозначениями личности, и сегодня трудно разгадать, почему до нас дошли только эти следы от человека, оказавшегося за границей. Среди таких уникальных имен и прозвищ *Балдиш Нецедра* (*Baldysz Nieszczerd*), *Барнава* (возможно — Варнава), *Барнаш*, *Бибеница* (возможно, он же — *Тимпаниста*), *Безносый*, *Буйно* (*Buino*) (в роли третьего имени), *Гайдар*, *Голайко* (род. *Golaiki*, дат. *Moscho* (*Golaiki*, *Golaiky*), *Golaikowi Golaikowi*, им. *Golaski*), *Голова*, *Горбатый* (в роли третьего имени), *Зык* (*Азык*) (в роли третьего или четвертого имени), *Калк*, *Конша*, *Косой* (*Кривой*) (иночское прозвище), **Кравец* (дат. *Krawczowi*, *Krawczowu*), *Кривонога* (в роли третьего имени), *Кропотка*, *Купец*, *Кучин* (в роли первого имени), *Лагута*, *Лобан*, *Лугвица* (дат. *Лугъвици*), *Ляпун* (*Лепун*), *Москва* (в роли одного имени и первого из двух), *Новик* (в роли первого имени из двух), *Обланко* (первое имя из двух), *Перхин Неотзорок*, *Погожий* (первое имя из двух), *Посник* (*Посничко*), *Приездчий* (первое имя из двух), *Прудник*, *Птицелов*, *Пунко* (третье имя), *Пушкарь* (*Puszkarsz*), *Радко* (*Радка*), *Ратман* (см. *Р. Дуров*), *Ривко*, *Рудак* (вин. *Rudaka*), *Салтан* (см. *С. Зеленин*), *Сапун* (см. *С. Дубровский*), *Северь* и *Северга* (первое имя из двух, возможно — личное имя *Северин* или *Сиверга*), *Серый*, *Смирной* или *Смирный* (единственное или третье имя), *Соломей* (второе имя из двух: Федор Соломей), *Ступа* (*Стуба*) и *Сутурма* (оба прозвища выступают в роли вторых имен из двух или

третьих у братьев *Телесниных*), **Сухой* (*Suchim*¹⁴, *Тебенка* (первое имя из двух), *Тонкий*, *Турин* (второе из трех, возможно — фамильное), *Углик* (третье имя), **Утеха* (в роли второго имени от *Утешов*), *Ушак* (*Вишак* — третье имя, см. также третий тип), *Хан* (*Нан*), *Харена* (третье имя), *Чап-линка* (второе имя из двух, возможно — связано с *Чаплин*), *Черник*, *Чудин*, *Шамахей** (*Шамахей*, *Шемахей* — шестое или седьмое имя), *Ширяй*. Конечно, прозвища *Бебеница* (литаврщик), *Птицелов* (сокольник при королевском дворе) или *Пушкарь* (пушкарь-артиллерист) — говорят лишь об устойчивой практике регистрировать некоторых москвитов по имени, созданном на основе их бывшей или действующей должности. Не единичны случаи, когда в сочетании двух имен второе выступает в функции прозвища: *Конон Путило*, *Kornilo Wasko* или дат. *Kornilovi Wasskovi* (т. е., вероятно, *Корнилий Васильевич*).

Восьмой тип представлен прозвищами, в которых сохраняются следы городской идентичности, отличной от рассмотренной в начале этой главы «московитской» идентификации. Возможность уже приводившегося имени «Иванови Матфееву сыну Курчанину Москалеви» во второй половине XVII в. не вызывала сомнений. Столетием ранее прозвища *Смольнянин* (*Полочанин*, *Воротынец* и др.) и *Москаль* могли еще восприниматься как недопустимое удвоение политической идентичности. Причиной этому служило то, что ряд западных по отношению к Москве земель в Европе, а особенно в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, не считались подвластными Москве: *Иван из Смоленска*, *Иван Андреевич Новгородец*, *Детина Полонничок* (из Полоцка — о нем см. также пятый тип), *Кузьма из Путивля** (*Kuzma de Putivel*), *Кузьма** *Татарин* (*Кузма Татарын*), *Себастьян из Радосковичей* (дат. по лат. *Sebastiano de Radoskowicze*), *Семен Стародубец* (*Сенько Старядубец*). Известны также случаи, когда за выходцем из Российского царства закрепляется греческая (возможно, в значении: православная) идентичность: *Иван Яковлевич Грек*. О московском происхождении жителя Речи Посполитой может свидетельствовать и принадлежность к «Севрюкам». Это прозвище говорит о причастности его носителя к Чернигово-Северской земле, которая в 1503–1523 гг. была присоединена к Великому княжеству Московскому и de jure оставалась в его составе вплоть до Деулинского перемирия 1618 г.¹⁵ В таком источнике, как Киевский налоговый

¹⁴ В реестре выплат Королевской Казны 1565 г. читается форма «Suchim» в списке имен, приведенных в им. п., но с преамбулой и суммарием в дат. п.: «Wieżniom Moskiewskim: Iwan, Siemion, Han, Hawrilo, Oszip, Maliecz, Naum, Iwan Prokosewicz, Wasziel, Zdaniecz, Suchim — Thim dnia 15 Maya dalem za wlasznym Krolia Iego M-czi roskazanim...» [ASK, dz. 1, № 192, k. 49v].

¹⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский и А. Стороженко предполагали, что под «севрюками» в XVI в. понимались летописные северяне. Это предположение П. Г. Клепатский отводит, считая, что «в числе севрюков мы

реестр 1571 г., раздел, озаглавленный «Siewruki tho yest strzelczy», может содержать список выходцев как из московской, так и из польско-литовской Северщины (о «стрельцах» см. ниже) [КГВн, арк. 436зв.]. Впрочем, по мнению Натальи Белоус, это упоминание относится к «лицам местного происхождения или пришлым литвинам (белорусам), на что указывают их имена и прозвища» [Білоус 2008: 86].

Девятый тип представляют местные прозвища, которые добавляются к прежним именам и фамильным прозвищам, приобретенным еще в период жизни в России. В ряде случаев местные имена вытесняют те, которые были получены еще в российский период эмигранта. Однако не всегда. От луцкого имения Кнежи образовалось прозвище *Князский*, которое носили совладельцы-москвиты, друг другу, по всей видимости, вовсе не приходившиеся кровными родственниками. От кременецкого имения Вороновцы — *Вороновецкий*, за которое также конкурировали несколько человек. От ковельского имения Секунь и Шушки — *Секунский*, присвоенное слуге кн. А. М. Курбского М. Я. Калымету и его семье. От другого ковельского имения Колодежно — *Колодеженский* (*Клодеженский*), полученное Г. Кайсаровым (Кайсаром, Кейсаром) (см. о его прозвище также третий тип). От имения Калиновка (Калиновцы) под Старыми Кошарами на Волини прозвище — *Калиновский*, которое носил И. Пятый Тараканов (Тороканов) (см. о его прозвище также четвертый и шестой типы)¹⁶. От с. Куликова Кременецкого повета получил свое прозвище москвит О. О. Ушак и его потомство — *Куликовский*. Показательно, что это, по сути, титульное (владельческое) определение присоединяется к имени по наиболее рафинированной схеме первого типа, приближая его носителя к полной интеграции в местный социум. Конечно, нередко подобное наречение служило аргументом в борьбе за недвижимость — при помощи прозвища лицо приобретало не только статус местного «доброего» человека, но и первенство в правах на земельный надел по отношению к своим конкурентам. Нам не известен ни один пример, когда бы

иногда находим лиц, которые ни в каком случае не могут быть чистокровными потомками северян», и приводит тюркские имена, содержащие прозвище «Севрюк». На этой основе, со ссылкой на А. И. Соболевского, высказывается предположение о том, что «севрюков лучше всего производить от татар. saıruqu — суровый, одичалый = влкр. севрюк» [Клепатский 2007: 404–405, примеч. 1841, здесь же обзор точек зрения]. Однако связь между этническим составом всех севрюков и номинацией севрюков-тюрков не доказана: в реестрах второй половины XVI в. подавляющее большинство «севрюков» — носители общерусских имен. С тем же успехом можно вспомнить москвитов-тюрков на литовской службе: их имена также могут состоять из тюркского первого имени или фамильного прозвища и прозвища «Москвитин» («Агиш Москвитин», «Остафий Бахтияров Москвитин» и т. д.), но этот факт, конечно, не решает вопрос об «этническом происхождении» королевских и господарских москвитов.

¹⁶ Подробнее о нем см.: [Auerbach 1985: 15, 100, 208, 246, 257, 323, 367, 372–373].

приобретенная владельческая фамилия москвиты была получена им от жены или наследником москвиты «по кудели», т. е. по материнской линии, по названию владений, которые были получены ею в приданое или в качестве вдовьего надела. Важным является тот факт, что фамильное прозвище используется по принципу мужского «геральдического» единства, основой для которой служит феодальное держание. Однако само по себе держание не было гарантией вхождения в ряды местной шляхты.

Случаев присоединения москвитов — в первом поколении — к геральдическим объединениям не известны. Косвенным доказательством обособленности эмигрантов в новом социуме служат в этом смысле сфрагистические и геральдические данные. Наиболее статусные геральдические символы московской эмиграции — «Русская Погоня» князей Шуйских, «Лев» Курбских Ярославских, «Змей» Ляцких¹⁷. Все это символы, не позволявшие присоединиться ни к одной геральдической корпорации Короны Польской и Великого княжества Литовского, хотя они и содержали древние русские и литовские или современные параллели с геральдикой местной шляхты. Нет и ни одного примера, когда бы геральдисты отметили принятие шляхтича московского происхождения под герб местной шляхты. Усилия В. С. Заболоцкого по возвращению себе княжеского титула на рубеже 1560–1570-х гг. также говорят в пользу версии о его попытках воссоздать магнатский род, который не считался бы родом местного происхождения. Шляхтичи-москвиты из детей боярских обычно решали проблему родовой принадлежности при помощи матримониальных связей с местной шляхтой, хотя пример матримониальной политики князей Оболенских — Бельских — Крижениных говорит о том, что существовали и иные взгляды на перспективу интеграции, в которой не придавалось значения геральдической солидарности, а на первый план выступала близость к бывшим соотечественникам. Впрочем, вдова Оболенского Федора Мироновна после смерти мужа предпочла удержать имения покойного мужа при помощи брака с кн. Станиславом Юрагой Гедройцем.

Возможно, эта же причина заставляла отдельных эмигрантов сохранять свои прозвища без существенных изменений на протяжении долгих лет. Ряд фамилий звучали вполне типично для польско-литовской шляхты или даже были связаны с нею далеким родственным единством. На прозвища *Бухвостов* (*Бувостов*), *Вепрев*, *Головин*, *Дуров* (*Durow*), *Игнатьев*, ¹*Канедов*¹⁸ (*Kaniedow*), *Кафтырев*, *Кашин* (*Kassen*, *Kassin*), ¹*Кашинцев*, ¹*Кимашев* (*Kimasiow*), ¹*Курдев*, ¹*Кобяков* (*Kobyakow*),

¹⁷ Подробнее см.: [Grala 1999].

¹⁸ Обозначение «¹» сопровождает прозвища, известные по уникальным упоминаниям в источниках. О них см. ниже в данном абзаце.

¹Коведяев, ¹Козарин, Козлов, Колычев (*Koliczow, Kołuczow*), ¹Кондаков или Киндяков (*Kindakow*), ¹Кондырев, ¹Коноплев (*Konopłow*), Коншин, ¹Коптев, Кореев (*Каратаев*), ¹Крыпичин, ¹Кузьмин (*Кузмин*), ¹Кулаков, Кульнев (*Кулнев*), ¹Кункин, Кутузов, ¹Кучуков, ¹Левошин, ¹Левшин, ¹Лжиносов, ¹Лизунов, Лихарев (*Лихаров*), ¹Лихачев, Лодыгин (*Lodihin*), ¹Лопатин, Лутовин (*Luthowin*), Лыков (*Likow, Lułow*), Ляцкой, ¹Мальцов, ¹Масалятин, ¹Маслов, ¹Матюшкин, ¹Межининов, ¹Мелдешов (*Mieldeszow*), Минин, Молчанов, Монастырев, ¹Мордасов, ¹Мордвинов, ¹Мормылев, ¹Муратов, ¹Назимов, ¹Нарбеков (*Narbieukow, Narbiekow*), ¹Насупов, Неелов, Нелидов, Непейцын (*Непеицин*), ¹Нестеров, ¹Новокишенов, ¹Ноздроватый, ¹Овдин, ¹Огарев, ¹Оникеев, ¹Онорков, Панов, ¹Пантелеев, ¹Патрикеев, ¹Пересветов, ¹Петелин (*Petelin, Pethelyn*), ¹Пивов, ¹Плихин, Полтев, ¹Полукнязев, ¹Поповкин, ¹Постельников, ¹Приимков, ¹Протасов, ¹Пушечников, ¹Пушкин, ¹Пуцин, ¹Пыхачев, ¹Радилов (*Radzilow*), Раков (*Rakoff, Rakow, Rakou, Rakow*), ¹Редкин, ¹Резанов, ¹Резанцов, ¹Реозов (*Reozow*), ¹Саковков (*Sakowkow*), Самарин (*Samarin*), Сафоносов (*Saphonow*), ¹Свирилов (*Swirzow*), ¹Свитин, Седиллов* (или Цедиллов*, *Sadziłow*), ¹Серков, ¹Серменин, ¹Ситчин, ¹Смолин, Солнцев (*Солнцов*) Лолиндов, Стрешнев (*Стречнев*), Стрыев (*Stryiuow*), ¹Сыриков, ¹Сычев (*Сычов*), ¹Сюлименев, ¹Твиренев, Телеснин, Тетерин, ¹Тимиров, ¹Толстыкин, Третьяков, ¹Трцов, ¹Туринов Ознобишин, ¹Тютчев, ¹Фатьянов (*Фатьянова, Фатянова*), ¹Хворощин, Хлусов (*Chłusow*), Хлыстов, ¹Хомин (*Хомина*), ¹Хомяков (*Chomekow*), ¹Хохолин, ¹Хрущов Болтин, ¹Цвилев, Чаплин (*Чаплин, Czaplín*), ¹Чепчуков, ¹Чертов, ¹Чоголоков (*Чогокова*), Чудов, Чухнов, ¹Шапкин (*Sapkin*), ¹Шеметов, ¹Шемякин, ¹Шилин (*Szilin*), Ширагов, ¹Ширяев (*Шираев*), Шишкин, ¹Шишмарев (*Шишмаров*), Шокуров, Шушерин, ¹Щенятин, ¹Юдин, ¹Юдин Тулубьев, Юренев (*Юрьев*), Ярцов названные выше языковые и культурные механизмы не подействовали или нам не известны преобразования этих прозвищ за годы эмиграции их носителей (не учитываем в именах из двух компонентов вторых имен, формально сходных с отчествами: Кириллов, Лаврентьев, Никифоров, Терентьев (*Terenteiuow*), Тимофеев, Федоров, Филиппов и др.). В ряде названных случаев интеграции лица и адаптации фамильного прозвища еще не произошло, наоборот — в нашем распоряжении есть только сведения о пленении или переходе на службу, практически не отстоящие по времени от самих этих событий или почерпнутые только из материалов московского Посольского приказа (все подобные случаи обозначены знаком «¹»). Из названных выше 144 прозвищ 97 (67,4 %) уникальны, а следовательно, совсем не репрезентативны для вопроса о трансформации имен. При этом более половины из оставшихся имен встречаются в источниках не более 2–3 раз на протяжении короткого исторического промежутка, и также

мало пригодны в интересующем нас качестве. При этом можно догадываться, нет ли родства между рядом лиц. Например, Б. Юдин и М. Юдин Тулубьев могут быть родичами или даже одним человеком.

Обратная ситуация — требуются дополнительные источники, чтобы получить московскую версию прозвища, если оно известно только в своих заграничных версиях, уже бытовавших в Московском государстве (см. Ф. Ф. Бедрынский, Василий Карпович, Б. Горский, Вербицкий, И. Кодрицкий, К. Козловский, П. Колтовский, А. Куницкий, Ср. А. и Ст. А. Кучицкий, Ю. В. Кушецкий, А. Лодыжинский, А. Г. Мазовский, Т. О. Монеvский, В. Ш. Нармоцкий, А. С. Островский, Ю. Петровский, А. Ржевская, М. И. и Ф. Ржевский, В. И. Суходольский, Ф. Д. Ункеvский, Р. Ф. Унский, Ф. Чеховский).

Нельзя исключать, что такие знатные московские деятели, как Голвины, Колычевы, Квашнины, Ляцкие, Монастыревы, Нееловы, Плещевы, Раковы, Тетерины считали в эмиграции достойным сохранять московское звучание своих прозвищ без значительных изменений. О Ляцких это можно сказать уверенно — они создали даже пышную «польско-молдавскую» легенду о происхождении своего фамильного прозвища. Титулованные слуги московских государей поступали подобным образом, сохраняя и расширяя в эмиграции свои титульные определения московского периода (см. С. Ф. Бельский, М. Ф. Гвоздев Ростовский, Б. Ф. Желиховский, А. М. Курбский Ярославский, М. Нелединский, М. А. Ноготков Оболенский, И. Д. Губка Шуйский, И. Сеитов, П. И. Татев, В. И. Телятеvский Микулинский, В. И. Темкин Ростовский, И. Б. Тюфякин Оболенский, П. И. Хворостинин, Ф. Хотынский, Г. Шаховской, П. Шелешпанский, В. А. Шамахя Шестунов, И. Д. Губка Шуйский, Д. М. Щербатый Оболенский, И. Щербатый)¹⁹. Возможно также, что в ряде случаев языковые механизмы не работали и местные формы от московских не образовывались как раз потому, что это привело бы к возникновению прозвища, которое уже было в ходу у местных жителей — и прежде всего у шляхтичей. Так, прозвище боярича-эмигранта *Заболоцкий* не встречается в источниках в форме *Заблоцкий*, скорее наоборот, Владимир Семенович лишается фамилии и сохраняет только первое имя. Сходным образом *Тетерин* никогда не пишется *Тетерей*, хотя такой род в Речи Посполитой был.

¹⁹ И. Мытник полагает, что кн. А. М. Курбский принял в эмиграции титульные определения *Ярославский* и *Ковельский* в память о происхождении от великих князей ярославских и по своему основному имени-староству. Впрочем, мы в другом месте допускаем претензии Курбского на ярославский титул еще в России, а ковельский титул, закрепившийся за одной из ветвей князей Сангушко, не прижился в основной массе документации самого кн. А. М. Курбского и совсем исчез у его потомков в Речи Посполитой. Ср.: [Мытник 2013: 196–197; Ерусалимский 2018: 474–482].

Вторые имена в сохранившихся источниках тесно связаны с личными и фамильными. Как уже мы видели, типологизируя формы третьего имени (фамильного прозвища), в польско-литовской культурной среде сохранялся приоритет социального статуса при использовании имен. Три и более компонентов имени обычно говорили о высокопоставленной особе или о полноправном субъекте. Определение личности при помощи двух имен, как правило, не говорит о существенном дефиците статуса, но применительно к детям боярским скорее свидетельствует о наследовании норм регистрации, которые сложились в московском контексте и были принесены в эмиграцию. Одно имя в роли адресного прозвища — это, как правило, свидетельство выдающегося признания и всеобщей известности, а в случае применения обычных личных имен без дополнительных идентификаций, наоборот и гораздо чаще, — неполноценности социального положения. В именах казаков, впрочем, оба эти качества одноименности срастаются: вольный человек гордится своим независимым и обособленным от иерархий статусом. Два имени и более почти всегда означает, что второе выступает в роли отчества, дедичества или фамильного прозвища. Отличить в таких двуединствах имя отца от дедичества или фамильного прозвища непросто. По своей форме они нередко совпадают: *Мартин Игнатович*, *Лаврин Климцович* (*Москович*), *Леонтий Овдеевич*, *Гаврило Перфильевич* (*Perffiriowicz*, *Perfiriowicz*, *Pierfierzewicz*) (*Лодыгин*), *Сильвестр Сидоров* (*Сыдоров*, *Сидорович*) (*Кулешин*), *Иван Федоров* (*Федорович*), *Матвей Федоров* (*Федорович*) (дат. также *Matwieiowi Fiedorowiczowi*), *Микита Григорьев* (*Григорьевич*) (*Mikita Rihorev*, *Mikita Hrehorew*), *Микита Иванович*, *Наум Еремеевич* (*Naum Jeremiewicz*), *Осьмой Михайлов* (*Asmoi Michalowicz*) (*Непейцын*), *Родион Булгакович*, *Семашко Сединцович*, *Семен Андреев*, *Степан Ерофеев* (*Срофеев*), *Степан Лавринов*, *Степан Логинович* (*Логвинович*), *Тимофей Андреев* (*Андреевич*), *Томила Кузьмин* (*Thomilo Kusmin*), *Степан Протасович* (*Протасов*) *Фатьянов*, *Федор Андреев* (возможно, брат *Тимофея Андреева* (*Андреевича*)), *Федор Игнатов*, *Федор Матвеевич* (*Матфеевич*, *Матвеев*), *Фома Сергеев*, *Якуш Антонов* и др. Как уже говорилось выше, вторые имена в «московской» (русской) форме, даже при наличии прямого указания на «сыновство», не гарантируют, что перед нами именно отчество, а не дедичество или более отдаленная ступень происхождения. Бывали случаи, когда польско-литовская деловая культура превращала отчество эмигранта или его ближайшего потомка в фамильное прозвище (так случилось с именем Я. У. Сарыхозина — см. об этом первый тип фамильных прозвищ). Можно лишь предположить, что отдаленность происхождения во втором имени зависит от социального статуса его носителя. Наименее статусные лица определялись

чаще по личному имени и имени отца. Более статусные могли опираться на личное имя и фамильное или родовое. При таком понимании, например, мещане *Микита Иванович*, *Степан Максимов*, слуга шляхтича *Ян Тишкевич* или «простой» человек *Нерон Иванов* скорее известны нам по личному имени и отчеству, а вот сыны боярские *Микита Григорьев* или *Прокоп Федоров* — по личному имени и фамильному прозвищу. Это очень ненадежная догадка, тем более что нередко мы не располагаем данными даже о социальном статусе пленных и эмигрантов (см. *Петр Дмитров*, *Петр Иванов*, *Петр Семенов*, *Прокоп Бурсилович*, *Прокоп Григорьевич*). В редких случаях в источниках обнаружены два личных имени (например, *Юдин Матвей* — см. Ю. М. Тулубьев), только два имени без личного — т. е. имена в функции второго и третьего (см. *Онисимов Бокланов*) или только форма непервого имени (см. *Сергеевич*).

Личные имена претерпевают за границей в целом предсказуемые преобразования, впрочем, не всегда, а часто отнюдь не сразу после эмиграции [см. также: Селин 2010]. Во многих случаях, особенно при единичных упоминаниях, в нашем распоряжении нет ничего, кроме адаптированных московских имен, и они мало говорят об интеграции эмигрантов: **Авдотья* (Овдотья), *Агиш*, *Аксентий* (в отчестве *Axięniewicz*), *Аксинья* (Оксимка), *Алексей* (Олексей) / *Alexi*, **Ананья* (во втором имени *Ананьин*), *Андрей* / *Andrei* (*Andrzej*), **Аникий* (*Оникий*), **Анисим* (*Онисим*, *Онисий*), *Анна* (*Ганна*), *Антифор*, *Антон* (*Онтон*) / *Anton*, **Артем* (*Ортем*), *Ахрем*, *Безсон*, *Борис*, *Варвара* (*Варка*) / *Barbara*, *Веревка*, **Власий* (*Balás*, *Blasius*, *Blasius*), *Война* / *Woina* (вин. *Woупe*), **Гликерия* (жен. *Луня* — см. также *Лукерья*), *Вышата* (*Висчата*, *Вишата*), *Давыд*, *Даниил* (*Данило*) / *Daniel* (*Danilo*), *Дементий*, *Демид*, *Денис*, *Домна*, **Елизарий* (*Олизар*), *Елисей* (**Елка*, *Ielka*), **Еремей* (дат. *Jeremieiewicz*, *Jeremiewicz*), **Ермолай* (*Ермола*, *Ярмола*), *Есиф*, *Ефим*, *Ждан* (**Жданец*) / *Zdan* (*Sdan*, *Zdaniec*), *Замятня*, **Зиновий* (во втором имени *Зензин*, *Зендзин*, т. е. сын *Зензы* или *Зендзы*), *Измайло* (*Змайло*), *Илья*, **Иов* (*Ивко*, *Иев*), *Исак*, *Казарин* (*Kozarin*), *Каленик*, *Карп* (*Карпъ*, *Карпуня*), *Кирей*, *Клим* (в роли второго имени **Климец*), **Кондратий* (*Кондрашка*), **Константин* (*Костентин*, **Костя*, *Kosczia*, *Kosczieia*), **Корнилий* (**Корнило*, *Kornilo*), *Кузьма* (*Кузма*) / *Kizma*, *Кузьяй* (возможно — *Кузьма*), *Ларион* (*Ларя*, *Ларко*), **Лих* (*Лишко*), *Лобан* (*Лобанко*), **Логин* или **Логвин* / *Loguun*, **Лукерья* (*Ликоу Bibi*, *Луня*), *Лукьян*, **Лыко* (во втором имени *Лыков*), *Макар* (*Макав*), *Максим*, *Малахия* (*Малах*), *Марина*, *Мария*, *Матвей*, *Матрона* (*Матруна*), *Мелан*, **Мирон* (*Нерон*, в жен. отчестве *Мироновна*), *Митрофан*, *Моисей*, *Мокей* (*Макей*) / *Mokiei*, *Надежа* / *Nadzieza* (муж.), *Назар*, *Наум* (*Навум*) / *Naum*, *Нерон*, *Орефий* (возможно, его уменьшительная форма — *Орешко*), *Остафий* / *Ostaphiei*,

Павел / дат. *Paulo*, Павлин (см. П. Огалин), *Пелвян (его вдова дат. *Pelvi-anowej* – возможно, также Павлин), *Параскева (Порася, Парася, Парашка), *Пелагея (*Палаша, *Rołaszka*), Полония, Потан, Протас, Путило, Раттай, Родион (Радивон), Роман, Рычко, Рюма, Савва (Сава), Севастьян / *Sebastian*, Селиван (Селивон), Серап, Сергей (*Surgiel, Sierii*), Сидор (Сидор, Садыр, *Sidor, Szidor, Shydor*), Сильвестр (Селивестр, Селиверст), Солман, Солтан, Соломонида, Тарас, Тарх, *Татьяна (Тацыяна), Тимофей (Тимошка), Тихон (*Тишко, *Thischko*), Томила (*Томило, *Thomilo*, Томилка / *Thomilo*, Томко (возможно – Томило, менее вероятно: Тимофей), *Трифон (Трухан), *Троста (тв. с Тростю, т. е. *Трофим или *Трифон), *Трофим (Отрохим), Ульяна (Уляна) / *Uliana (Ulca)*, Умар (Марк), Устим, *Феврония (Ховра), Федосья, Филимон, Фома (Хома, *Thomas*), Фрол, Хвеня (возможно – от Федора, Феодосия, Феофания), Яким.

Во всех случаях, когда в источниках зарегистрированы полные формы имени, мы опираемся на них, а не на уменьшительные варианты (это не удастся сделать применительно к имени *Луня* или *Ielka*)²⁰. Впрочем, не всегда на основе этих полных форм удастся безальтернативно восстановить их московские аналоги. Ряд замен может быть сведен к двоичной или троичной модели от основных московских форм к основным польско-литовским и уменьшительным. Здесь мы назовем только те имена, которые встречаются в нашем реестре, т. е. отражают, прежде всего, ономастические реалии середины XVI – начала XVII в.

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
*Аграфена	Огруха, Агренья, *Груша	Грушка (Кгрушка)
*Александр, *Алексей	Олеша	Олешка, Олешко, <i>Oleszko</i>
*Алферий	Олихвер, Олифер	—
*Анна, Ганна	—	*Ганка
*Анастасия	Настасья	Сташка
*Афанасий, Офанасий	Офанас, Афанас, Опанас, Офонас, <i>Offanasz, Opanas, Opanasz, Orphanas</i> , в дат. <i>Afanasio</i>	Офонко, в вин. <i>Ofonki</i> , Офанаско
*Василий, Василей, <i>Basilius, Basileus, Vasili, Waszielei, Basily</i> , в дат. <i>Vasylio</i>	Василь, <i>Basil, Vaschil, Vasył, Vasil, Vasyll, Wasył, Wasil, Wassiel, Waszil, Waszyl, Waszill</i> , в дат. <i>Wassilowi, Waszelowi</i>	Васко, Васка, Васько, <i>Wasko</i> , Васута, Василец

²⁰ Ценный сборник вариантов: [Трійняк 2005].

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
<i>Владимир, Володимир, Włodimir</i>	—	<i>Володко</i>
* <i>Гавриил (Gawriel)</i>	* <i>Гаврила, Гаврило, Hawrilo, Гаврюша</i>	—
<i>Герасим, Гарасим, Nahazym, Garasym, Grassim, Gorassi</i>	—	<i>Герасимец</i>
<i>Григорий, Грыгорей, Gregorius, Hrihori, Hrehori</i>	<i>Григор, Грегор (Grzegorz, Gregior, Grehor, Gregier, Rihor, Reor, Hrehor), *Ежи (*Irzy — нам доступна только форма дат. Irzemi), Гриша, Грыша, Грыш, Рыша, Hrischa, Hrisa</i>	<i>Гришко, Гришка, Гришко, Грідя, Chrisko, Griczka, Hrisko, Hrisco, Hrysko, *Riszko или *Riska (известна форма дат. Riscze)</i>
* <i>Дмитрий, *Димитрий, Demetrius</i>	<i>Димитр (Dimitr, Diimitr) или Дмитр (Dmitr); Митя (Mita) — возможны для имени Микита</i>	<i>Митко (Mithko, *Mietko (дат. Mietkowi) — возможны для имени Микита</i>
* <i>Евстафий</i>	<i>Остафий, Ostaphiei, Ostafiej, *Остан</i>	* <i>Останко, Ostarpo</i>
<i>Елизарий</i>	<i>Олизар (Olizar, Wlizi)</i>	* <i>Олизарко</i>
<i>Захарий, Захари, Захарияш Захарияш, Захариаш, Zachariasz</i>	<i>Захар (Zachar, Zacharz), Захария (Zacharia, Zachora)</i>	—
* <i>Иоанн, Joannes, Ioanness</i>	<i>Иван, Iwan, вин. Ywana, Ян (Jan)</i>	<i>Иванко (Iusko), Ванько, Ивашка (Ивашко), *Иванец (в лат. Iwaniecz), Иванюк, *Янек (Janek)</i>
<i>Игнатий</i>	<i>Игнат</i>	<i>Игнатко</i>
* <i>Иосиф</i>	* <i>Осип, Osib, Ossip, во втором имени Осипов, *Юзеф (Józef), *Есиф</i>	<i>Иосько</i>
<i>Истома</i>	<i>Стома</i>	<i>Истомко</i>
* <i>Кирилл</i>	<i>Кирило, Курило, дат. о вдове Kyerilloweï</i>	<i>Кирилко</i>
<i>Лаврентий</i>	<i>Лаврин</i>	—
* <i>Левонтий, *Леонтий, *Лев, Левон, Леон, Lewon, Liewon, Lyewon</i>	<i>Лева, *Леваш</i>	<i>Левко (Lewko, Liewko), Левашко, Легошко</i>
<i>Лука, Луса</i>	<i>Лукаш</i>	—

Полная форма	Уменьшительная форма	Сниженная форма
<i>Марина, Марына</i>	<i>Маруша</i>	—
<i>Матвей, Матфей, *Матиас (Matias)</i>	<i>*Матей, *Мацей (в прозвище Maccieiwicz), *Матис (Mathys)</i>	<i>*Матюшко, Matysko</i>
<i>Михаил, Michael</i>	<i>Михайла, Михайло, Michaiło, Michailo, Michajło, Mihaýlo, *Михал (Michał, возможно, оно же Михоль)</i>	<i>Михно, Михалко, Миско</i>
<i>*Некрас</i>	—	<i>Некраско</i>
<i>*Никита, Микита, Mikita, Mikitha, Mikieta</i>	—	<i>Микитко</i>
<i>Никифор, Микифор, Mikifor, Mikiffor</i>	<i>Никипор, Nikipor, Nicefor, Оникифор</i>	—
<i>*Парфений</i>	<i>*Феня</i>	<i>*Фенько (дат. Fenkowi)</i>
<i>Петр, Petrus, Peter, Piotr</i>	<i>*Петро, Petro</i>	<i>Петруша, Piotrusza</i>
<i>Прокофий (Прокофей), Прокопий (Procorii)</i>	<i>Прокоп (Procor), Прокоф</i>	<i>*Прокош (в прозвище Prokosewicz)</i>
<i>*Савватий, Савадей</i>	<i>*Савва, Ssawa, Ssafa — возможно, также Saulus, см. ниже о католических именах</i>	<i>Савка, *Савко</i>
<i>Семен, Siemion, Simion, Sziemion (в отчестве Sziemianowicz, Sziemianowicz, Siemienowicz)</i>	<i>Симон, Simon</i>	<i>Семейка, Сенко, Сенько, Senco, Семашко</i>
<i>Степан, Стефан, Stepan, Stephan, Zdiapan</i>	<i>*Степа, Czera</i>	<i>Степанко, Стецко, *Пац (в прозвище Пацевич)</i>
<i>*Терентий</i>	—	<i>Тренко</i>
<i>Филипп (дат. Philippo)</i>	<i>*Пилип (в отчестве Пилипович), Пиля</i>	—
<i>*Харитон</i>	—	<i>Харко</i>
<i>Юрий (Jurgi), *Георгий (Georgius, Georius, Geor', Jeorgius)</i>	<i>*Юра (Jura)</i>	<i>*Юрак (Urak), Юрко, Ижик (Irzik)</i>
<i>Яков, Jacobus, Jakob (дат. Jacobo)</i>	<i>Якуш</i>	<i>Яковец, Яцко (Jaczko, Jasko), Яско (Jasko)</i>

Польско-литовские и европейские источники в целом точно передают и те формы, которые не носят выраженного местного колорита, но приняты также и для обозначения местных жителей. Это, как можно видеть по доступным нам примерам, нередко связано с бытованием греко-латинских аналогов, которые поддерживали в одних случаях московские формы (*Gregorius*), в других — польско-литовские (*Basil*).

Для польско-литовских контекстов употребление уменьшительных форм характеризует самоидентификацию, принесенную из Московского государства, либо невысокий статус — нешляхетское происхождение, положение челядина, селянина, мещанина, простого ремесленника или огородника. Восточнорусские уменьшительные формы встречаются не так часто: *Варька, Васька, Веревка, Гриша (Гришка), Жданец, Иванец (Ивашка), Кондрашка, Лева, Ларя, Митя, Михайла, Петруша, Стома, Тимошка, Томила (Томилка), Ховра*. Обычны в инвентарях и записях актовых книг именно местные аналоги. Конечно, во всех подобных случаях маркером московского происхождения служит в первую очередь не форма имени, а этническое прозвище при нем. Из уменьшительных форм приходится выбирать те варианты, которые вероятны, но не всегда в равной мере надежны. Например, *Олешко* может относиться как к имени *Алексей*, так и *Александр*. Мы принимаем за Алексеев только тех, кто в источниках зарегистрирован как *Алексей, Олексей* или *Alexi*, принимаем *Олешко* как обозначение *Александра*.

На фоне сказанного выше не удивляет, что доступные в источниках имена московитов в эмиграции находят множество параллелей с их московскими аналогами и прототипами. В «Словаре» Н. М. Тупикова^(†) и «Ономастиконе» С. Б. Веселовского^(‡) зафиксированы многие из имен и прозвищ российских эмигрантов XVI — начала XVII в. (в скобках указываем форму, если она заметно отличается от учтенных в словарях [Тупиков 2004; Веселовский 1974])²¹: *Агиш^в, Аксаков^{тв}, Анисимов^в (Онисимов), Арцыбашев^{тв}, Ахмат^{тв} (в отчестве: Ахматкович), Ахрем^в, Бажен^т или Бажанов^т и др. (Бажан), Бакланов^{тв} (Бокланов), Балабанов^в или Балобанов^т (Болобанов), Баранов^{тв}, Бахтияр^{тв}, Башкин^{тв}, Башмаков^{тв}, Бебеня^{тв} (Бебеница), Бедрин^{тв} (Бедринский), Безнос^{тв} или Безносой^{тв} и др. (род. п. *Beznozego*), Бельский^{тв}, Бесчастный^{тв}, Бибииков^{тв}, Блудов^{тв}, Бобров^{тв}, Бобровников^{тв} (Бобровник), Богдан^т, Болдырев^{тв}, Болотников^{тв}, Борис^т (Борисов), Бошман^т, Бранец^т (Брянцов), Буза^т (*Viiza*), Буй^{тв} или Бувев^т (Буйно), Буйносов^{тв}, Булат^{тв}, Булгаков^{тв}, Бунаков^{тв}, Бунков^{тв}, Бурков^{тв},*

²¹ Для женских имен оба словаря не репрезентативны, поэтому наша работа нуждается в дальнейшем сравнении с корпусом таких имен, который еще не составлялся. Не учитываем также имен литвинов, поляков и немцев, перешедших из России в Корону Польскую и Великое княжество Литовское (т. е. не впервые сменивших свое место обитания).

Бурцов^{ТВ}, Бутурлин^{ТВ}, Бухвостов^{ТВ}, Быков^{ТВ}, Вадбальский^В, Валувев^{ТВ}, Великого Гагин^{ТВ}, Вепрев^{ТВ}, Верещага^{ТВ} (Верещака), Вешняков^{ТВ}, Водопьян^{ТВ}, Воейков^{ТВ}, Волков^{ТВ}, Волинский^{ТВ}, Воронов^{ТВ}, Воронцов^{ТВ}, Выродков^{ТВ}, Вышата^{ТВ}, Гломазда^Г (Гломаздич), Гнедой^Г или Гнида^В (Hniad), Голенищев^{ТВ}, Голова^{ТВ}, Головин^{ТВ}, Голохвастов^{ТВ}, Горбатый^{ТВ}, Грешник^В (Грешный), Гридя^В, Груздев^{ТВ}, Губин^{ТВ}, Дашков^В, Девятого^{ТВ}, Десятого^{ТВ}, Дивов^{ТВ}, Добравацкий^В (Добровицкий, ср. также Дуброва^{ТВ} и др.), Домашний^{ТВ}, Доможиров^{ТВ} (Домажиров), Дружина^{ТВ}, Дубровский^{ТВ}, Дудоров^{ТВ} или Дударев^{ТВ} (Дударов и др.), Дурасов^{ТВ}, Дуров^{ТВ}, Духаня^В (Духанин, ср. Духнин^{ТВ}), Дьяков^{ТВ}, Дымов^{ТВ}, Елагин^{ТВ}, Елка^{ТВ}, Ждан^{ТВ}, Жегалов^{ТВ}, Жеребец^{ТВ} (Жеребцов), Жохов^{ТВ}, Жуков^{ТВ} или Жук^{ТВ}, Заболоцкий^В, Замеса^В (Замесский), Замятин^{ТВ} (Замятин), Замятня^{ТВ}, Зверев^{ТВ} или Зверь^В, Зеленин^{ТВ}, Злобин^{ТВ}, Зубарев^{ТВ} (Зубаров), Зубатый^{ТВ}, Зубец^Г или Зубцов^Г (Зубцовский), Зыбин^{ТВ}, Зык^{ТВ}, Зюзин^{ТВ}, Зяблый^{ТВ} (Зяблов), Ивашенцев^В (Ивашиных), Измайлов^В, Истома^{ТВ}, Истомин^{ТВ}, Казан^Г или Казанов^{ТВ} (Козунов и др.), Кайсаров^{ТВ}, Калемет^В (также Калымет и др.), Калитин^{ТВ}, Карамышев^{ТВ}, Каратеев^В (Каратаев), Кафтырев^В (ср.: Катырев^{ТВ}), Кашин^{ТВ}, Кашиных^{ТВ}, Кашкаров^{ТВ}, Квашнин^{ТВ}, Кирдей^Г или Кирдеевич^Г (Кирдев), Кирей^Г (ср. Киреев^В), Киселев^{ТВ}, Клобуков^{ТВ}, Кобяков^{ТВ}, Коведяев^{ТВ}, Коверзин^{ТВ}, Козарин^Г или Казарин^В, Козлов^{ТВ}, Кокошкин^{ТВ}, Колтовский^{ТВ}, Колычев^{ТВ}, Кондаков^{ТВ}, Кондырев^{ТВ}, Коноплев^{ТВ}, Коншин^{ТВ}, Коня^Г или Коняй^В (Конан, Конон), Коптев^{ТВ}, Кореев^В (он же Каратаев, ср.: Кора^Г, Коротай^{ТВ}), Коркодинов^В, Коровяев^{ТВ}, Костомаров^{ТВ}, Кошелев^{ТВ}, Кравец^Г, Кривоног^Г (Кривонога), Кропотка^{ТВ}, Крыж^Г или Крыжин^В (Криженин и др.), Кулаков^{ТВ}, Кулешин^{ТВ}, Кульнев^{ТВ}, Кунай^{ТВ}, Куницын^{ТВ} (Куницкий), Кункин^{ТВ}, Курба^Г (Курбский), Кутузов^{ТВ}, Кучецкий^В (Кучицкий), Кучин^{ТВ} или Кучук^{ТВ} (Кучун), Кучуков^{ТВ}, Кушелев^{ТВ} (ср. Кошелев^{ТВ}), Кушников^{ТВ}, Лабодинский^В (Лабондинский, ср. Лабутин^{ТВ}), Лавр^В (Лаврин), Лагута^Г (ср.: Лагун^{ТВ}), Ласица^В (ср. Ласицин^Г), Леваш^{ТВ} и др., Левушин^{ТВ} (Левошин), Левшин^{ТВ}, Лизунов^{ТВ}, Лихарев^{ТВ}, Лихачев^{ТВ}, Лихоня^{ТВ} или Лихой^{ТВ} (Лишко), Лобан^{ТВ}, Лодыгин^{ТВ}, Лодыженский^В или Лодыжников^Г (Лодыжинский), Лопатин^{ТВ}, Лосина^{ТВ} (Лосинич), Лугвица^{ТВ}, Лутовинин^{ТВ} (Лутовин), Луцихин^{ТВ} (Луцин), Лыков^{ТВ}, Ляпун^{ТВ}, Ляцкой^В, Малец^{ТВ}, Мальцов^{ТВ}, Масалитинов^В (Масалитин), Мамкеев^Г, Маслов^{ТВ}, Матюков^В, Матюшкин^В, Меженинов^{ТВ} (Межининов), Мелен^Г или Мельнь^Г (Мелан), Меншак^Г, Милюков^{ТВ}, Милюта^{ТВ} (Милютинич), Мир^{ТВ} или Мирон^{ТВ} (у нас в отчестве: Мировна), Молчанов^{ТВ}, Монастырев^{ТВ}, Мордасов^{ТВ}, Мордвинов^{ТВ}, Морин^{ТВ} (Моринс), Мормуль^Г или Мормуля^Г (Мормылев), Москаленко^Г (также Москаленя), Москалев^Г, Москаль^Г, Москва^{ТВ}, Москвин^{ТВ}, Москвитин^Г, Москвитинов^Г, Московка^{ТВ}, Москович^Г (у эмигрантов ряд других «московских» прозвищ), Муратов^{ТВ}, Назимов^{ТВ}, Нарбеков^{ТВ}, Нармацкий^В (Нармоцкий), Нацокин^{ТВ}, Невежа^{ТВ}, Не-

взор^{тв}, Неелов^{тв}, Неждан^{тв}, Некрас^{тв}, Некрашев^т, Нелединский^в, Нелидов^в, Непейцын^{тв}, Нестеров^в, Нечай^{тв}, Новик^т (ср. Новиков^в), Новокишенов^{тв}, Ноготков^{тв}, Ноздроватой^{тв}, Нороватово^{тв}, Обланов^в (Обланко), Огалин^{тв}, Огарев^{тв}, Ододуров^в, Одоевцов^{тв}, Орел^{тв} или Орлов^{тв}, Орех^{тв} (Орешко), Островский^в, Охлябинин^{тв}, Панай^т (Panak), Панов^{тв}, Патока^{тв} или Патокин^{тв} (Паточич), Пересветов^{тв}, Петелин^{тв}, Петровский^в, Пивов^{тв}, Платнер^в (ср. Платун^в, Платнур^т), Плещеев^{тв}, Плишкин^{тв} или Плехан^т (Плихин), Погожий^{тв}, Подгорецкий^в и др., Полтев^{тв}, Поповка^{тв} (Поповкин^{тв}), Поросуков^{тв}, Посник^т или Постник^в, Постельников^в, Похвистнев^{тв} (Похвинов^в), Правоторх^{тв} (Правоторхов и др.), Приезжий^т (Приездчий), Приемков^в (ср. Прийма^т), Протас^в (Протасов), Прудников^т (Прудник), Пунко^{тв}, Путило^{тв}, Пулята^{тв}, Пухов^{тв}, Пушечников^{тв}, Пушкарь^т (Puszkarz), Пушкин^{тв}, Пуцин^{тв}, Пыхачев^{тв}, Пятой^т, Радиллов^{тв}, Радко^т, Раков^{тв}, Ратман^{тв}, Редькин^в, Резанов^в, Ремезов^{тв} (Реозов), Ржева^{тв} (Ржовский), Садырь^в (Садыр), Самарин^{тв}, Сарыхозин^{тв}, Свитин^{тв}, Северин^т и др. (Северь), Северга^в, Селеховский^в (Желиховский), Ситич^т (Ситчин), Серков^в, Слизень^{тв}, Смирной^{тв}, Смолин^т (ср. Смоля^в), Солнцов^{тв}, Солтан^т, Спячий^{тв}, Соломеин^в (Соломей), Станислав^т, Стародубец^т, Стречнев^{тв}, Стрыев^в (ср.: Стрыевич^{тв}), Ступа^{тв} (Стуба), Сур^{тв}, Суторма^{тв} (Сутурма), Сухой^{тв}, Сычев^{тв}, Сюльменев^в и др. (Сюлименев), Таганаев^в, Тараканов^{тв}, Татев^{тв}, Тебенек^{тв} (Тебенка), Телятевский^{тв}, Темкин^{тв} (или Томкин^в), Тетерин^{тв}, Темирев^{тв} или Тимиров^в, Толстый^{тв}, Томило^{тв}, Тонкий^{тв}, Третьяк^{тв} (Третьяков^{тв}), Тростенский^в (Троста), Трубицын^{тв}, Трухан^{тв}, Тулупов^{тв} (Тулубьев), Тучков^{тв} (Тючков), Тютчев^{тв}, Тютфякин^{тв}, Унковский^в (Унковский), Унский^в, Ускович^т, Ушак^{тв} (Ушаков^в), Хамин^т (Хамина, Фолина), Хворостинин^{тв}, Хворощин^{тв}, Хвостов^{тв}, Хлуденев^{тв}, Хлусов^{тв}, Хлыстов^т, Хомяков^{тв}, Хохлов^{тв} (Хохолин), Хрипун^{тв} (Герибин), Хрущев^{тв}, Цвилленев^{тв}, Чапля^{тв}, Чаплин^{тв}, Чеглоков^{тв} (Чоглоков), Чепчугов^в (Чепчуков), Черемисинов^{тв}, Черник^{тв}, Черница^{тв} (Черницын), Чертов^{тв}, Чихачев^{тв}, Чудин^{тв}, Чудо^{тв} (Чудов), Чухин^в (Чухнов), Шапкин^{тв}, Шаратов^{тв}, Шаховской^{тв}, Шеметов^{тв}, Шемякин^{тв}, Шереметев^{тв}, Шеста^{тв}, Шестун^в (Шестунов^{тв}), Шилов^{тв} (Шилин), Ширяй^{тв} (Ширяев^в), Шишка^{тв}, Шишкин^{тв}, Шишмарев^{тв}, Шокуров^{тв}, Шушерин^{тв}, Щеголев^{тв}, Щенятев^{тв} (Щенятин), Щербатый^{тв}, Щербачев^{тв}, Юренев^в, Ярцев^{тв}.

Некоторые особенности развития форм позволили бы расширить предложенный список. Так, ряд имен в словаре Н. М. Тупикова встречается только в «исходной» или, наоборот, «производной» форме. Скажем, Квашня^т (ср. Квашинин), Кисель^т (ср. Киселев), Клобук^т (ср. Клобуков), Кобяк^т (ср. Кобяков) и т. п. Однако не во всех случаях было бы справедливо производить от таких форм известные имена эмигрантов. Например, прозвище *Бабан*^т не идентично прозвищу сына боярского Мики-

ты Бабина (нач. 1580-х гг.); *Блоха*[†] или *Блохин*[†] — прозвищу пленного сына боярского Ивана Блохимы (нач. 1580-х гг.); *Дубинин*[†] — прозвищу сына боярского нач. 1580-х гг. Ильи Дубенского; *Духнин*[†] — прозвищу предполагаемого слуги кн. А. М. Курбского Пятого Духанина; неясно, можно ли прозвести фамильное прозвание сына боярского 1530-х гг. Ерышкина от прозвищ *Ерга*[†], *Ерж*[†] или *Ериш*[†]; *Киба*[†] или *Кибалов*[†] (*Кибянок*[†]) — прозвищу львовского москвиты (в источниках в 1530-х — нач. 1540-х гг.) Василия Кибалки (Кибалчича), предок Коверзиных — *Ковверза* (ср. *Коверя*[†]); прозвище *Лодыжинский* имеет ряд близких, но не идентичных аналогов (ср.: *Лодыжкин*[†], *Лодыжников*[†]); имя сына боярского Троицкого повета в 1530-е гг. Михаила Овдина — возможно, от *Овод*[†]; имя сына боярского начала 1580-х гг. Девлета Таганаева лишь отчасти сходно с прозвищем *Таганицын*[†]; вряд ли имя пленного москвиты 1560-х гг. Хан связано с прозвищем *Ханев*[†]; вряд ли *Хомин* может происходить от *Хомяк*[†], но вероятно также — от *Хома* (*Фома*); прозвище слуги Ю. М. Радзивилла в нач. 1540-х гг. Василия Черного (*Васко Черный*) не находит прямого аналога в обоих словарях (ср. *Чернь*[†], *Черняй*[†]). Предположения нуждаются, конечно, в дальнейшем осмыслении. Некоторые прозвища известны в иной огласовке или в другой части полного имени — например, *Кошкар*[†] (ср. *Кашкаров*), *Кропот*[†] (ср. *Кропотка*), *Лагунов*[†] (ср., возможно, сходное *Лагута*). Наконец, важно было бы разделить примеры имен из западных и восточных русских земель. Так, в нашем списке прозвища *Свитин* и *Стрыев* — в «Словаре» имена *Свита*[†] (*Свитко*[†]) и *Стрыевич*[†] указаны только применительно к выходцам из Великого княжества Литовского XVI — начала XVII в.

В качестве курьеза можно отметить, что названные в «Словаре» Н. М. Тупикова Т. Зык Князский и Ушаки Куликовские XVII в. не распознаны как выходец и потомки выходца из Российского государства, а лишь как западнорусский дворянин («дворянин, зап.») и луцкие землевладельцы («луцкий землевладелец», «волынский дворянин» и др.) [Тупиков 2004: 164, 412]²², а упомянутые в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского И. Я. Кореев и И. Ф. Лабодинский известны были исследователю как погибшие в 1580 г. [Веселовский 1974: 155, 176], тогда как оба оказались в плену, откуда в 1583 г. один из них бежал, а другой вернулся в Москву под слово чести. Интерес представляет отмеченная Н. М. Тупиковым Барбара Бунаковна («служанка в княжестве Литовском»), которая попала в список мужских имен, при этом происходит

²² Имена выходцев из Российского государства в Великом княжестве Литовском в словаре Н. М. Тупикова все же иногда маркируются. Так, под 1502 г. упомянут «Михаил Смолко Иванов сын Слизнева, москвитянин» [Тупиков 2004: 364, 751]. Или: «Бунко, московский изменник» [Ibid.: 70].

из рода, представители которого были в России, Великом княжестве Литовском, а с 1560-х гг. — часть московского в эмиграции [Тупиков 2004: 492].

Всего, таким образом, нам известно 373 уникальных имени эмигрантов (не считая фонетических версий и производных форм тех же имен), более или менее сходно зафиксированных в российских источниках. Из них 326 находят аналоги в «Словаре» Н. М. Тупикова, 334 — в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского. В подавляющем большинстве случаев связать носителей этих прозвищ за границей с известными под такими же именами лицами в российских памятниках не представляется возможным. Это следствие и распространенности подобных имен в различных семьях и родах (*Водопьян, Груздь, Дукас, Жук, Зык*), и нашей недостаточной осведомленности о самих эмигрантах и их родстве у себя на родине (*Бунаков, Волынский, Костомаров-Короваев, Криженин, Нащокин, Телеснин*).

Некоторые прозвища дополняют словарную работу Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского и сведены на сегодня только на основе данных по выходцам из Российского государства в эмиграции. Среди них формы *Артемов, Байкачкаров, Балдиш, Бебеница, Бедринский, Бобровник, Борятинский, Боховец, Брычиха, Буйно* (С. И. Кутузов), *Бурсилович, Вадбальский, Вакула, Варлаам, Варсоби́н, Вельяминов, Володков* (предположительно — московит-слуга перебежчика М. И. Головина в 1580-е гг.), *Гаврютин, Гайдар, Гломаздич* (у Тупикова — *Гломазда*), *Голайко* (*Голайский*), *Горенский, Давыдов, Дементьев, Детина, Дионисий, Желиховский* (от: *Селеховский*), *Залу́па* (кн. И. П. Охлябинин), *Знаменщиков, Зубцовский, Иевлев, Исновков*, ряд форм имени *Козунов* (*Казант, Козунт* и др.), *Каратаев* или *Кучун, Солев* и *Селев* для прозвища *Киселев, Кимашев, Кодрицкий*, ряд форм прозвища *Криженина* (ср. *Крыжин^в*), *Козловский, Конан* и *Конон* (ср. *Коня^т*), не встречающиеся у Веселовского княжеское прозвище *Кривонога*, варианты прозвища *Криженин* (ср. *Крыж^т*), *Крыпичин* (возможно, из *Крупичин*, ср. *Крупча^т*), *Крышковский* (Юрий, слуга кн. А. М. Курбского, предположительно — эмигрант-московит) прозвище *Купец*, переданное в источнике латиницей прозвище *Кушецкий* (*Kussieczkoi*), а также *Лавринов, Лагута, Лев* (и *Левашко*, ср. *Леваш^в*), *Ласица* (ср. *Ласицин^т*), *Левонтин, Лижиносов, Лишко, Лутовин, Луцин, Мазовский* (*Мозовский*), *Максимов, Масалятин, Мелан, Мелдешов, Метрикач, Микитин, Минин, Мировна, Мичура, Монеvский, Мормылев, Нарбут, Нармоцкий, Насупов, Незнаков, Некрашов, Неотзорок, Нерон, Нещерда, Новик, Ноздроватый, Нозовник, Обланко, Оболенский, Овдин, Ознобишин, Онорков, Орефий, Османов, Остафьев, Патрикеев, Перхин, Перхуров* и др., *Плихин, Подгорский, Подскарбский* (*Podskarbski*),

Полукнязев, Похвинов, Птицелов, Пятигорский, Резанцов, Реозов, Ржовский, Ривко, Ростовский, Рупосов, Саковков, Сафонов, Свиров, Седилов (Цедилов), Сединцович, Сеитов, Селивестров, Серменин, Серый, Ситчин (ср. Ситич^т), Скендер, Соломей, Солтаков, варианты отраженных в «Ономастиконе» прозвищ Стуба, Сутурма, Сыривков, Таганаев, Таубе (Тув), Твиренев, Телеснин, Тимпаниста, Томкин, Тулубьев, Углик, Уфеев, Фатьянов, Федьцов, Филипович, Фурсов, Харена, Хлыстов, Ховра, Хомин, Хотынский (ср. Хотенев^т), Хохолин, Чаплинка, Черницын, Чорный (ср. Черняй^т), Чудов, Чухнов, Шелешпанский, Шестунов, Шилин, Ширагов, Шуйский, Щенятин, Юдин.

Из наших сравнений эмигрантских имен с ономастическими данными Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского следует, что прозвища перебежчиков и пленных из России в Короне Польской и Великом княжестве Литовском возникали в подавляющем большинстве случаев еще до эмиграции и в таком виде отражались, по меньшей мере, в первые годы жизни за границей. В большинстве случаев, как мы уже видели из обзора модификаций фамильных прозвищ, именно на основе московских имен составлялись местные формы, которые передавались по наследству потомкам эмигрантов. При этом нам не известны значительные преобразования или случаи отказа от своего московского имени в пользу какой-то местной версии, если только эмигрант не переходил в иную веру, что в первом поколении случалось все-таки крайне редко. Наоборот, прозвища эмигрантов, за единичными исключениями, происходят также из российского региона и служат дополнением к тем ономастическим данным, которые известны по источникам российского происхождения, поскольку нередко мы имеем дело с уникальными упоминаниями выходцев из Российского государства, возникшими благодаря тому, что неизвестные российским источникам лица оказались по тем или иным причинам за границей.

Впрочем, в отдельных случаях нам известны только нетипичные для российских источников имена московитов, которые не находят прямого непосредственного аналога в православном именослове и в российско-татарских традициях наречения. Так, *Оршуля (Орвшуля)* восходит к имени святой IV в. Урсулы (лат. Ursula) — для московитки непривычное имя. Подобным образом вызывает интерес имя жмудской московитки конца XVI в. по имени *Магдалена (Макгдалена)*. Это имя кающейся блудницы Марии Магдалины типично для католической традиции, в православии память связана с его первым элементом (Мария). Кн. А. М. Курбский упоминает в «Истории» польскую пленницу в Москве с именем *Мария-Магдалина*. И важно, что оба имени указаны им применительно к одной женщине, которая была полька и, видимо,

католичка. Но следует ли из этого, что жмудский источник донес до нас имя женщины из Московского государства, принявшей католическое крещение, сказать трудно. Среди эмигрантов из Российского царства не только Магдалина, но и Мария — нечастое имя, как и Николай (Миколай). Нам известна едва ли не одна-единственная Мария (в начале XVII в. в Могилеве), хотя во втором поколении, у дочерей эмигрантов это имя неоднократно встречается.

Имя тринецкого кметя-московита 1580-х гг. *Войцех* (*Woiczech*) адресует к памяти святого X в. Войцеха-Адальберта (лат. Adalbertus). Подобные же примеры — *Станислава (Стася) Федоровна* и, возможно, *Станислав (Stanisław)* и *Станислав-Стась Метрикач (Sztas Metrikacz)* [древнерусские примеры мужского имени Станислав см.: Тупиков 2004: 372]. Крещеный в 1579 г. в католичество московит по имени *Saulus* (возможно, *Савва*) становится *Себастьяном (Sebastian)*. Имя *Севастьян* есть и у православных, однако в данном случае известно только в латинской форме и как католическое. Менее надежен случай *Себастьяна из Радосковиц*, который по происхождению мог быть выходцем из Великого княжества Литовского. Имя *Вакула* встречается применительно к сыну москвитина, Вакуле Москалевичу, и В. В. Варсоби́ну может происходить от *Вукол* или *Вукола* (греч. Βούκολος). Оно отражает, видимо, уже западные русские ономастические реалии. Имя львовского мещанина *Криштоф (Москва)* известно только по польской форме *Krzysztof*, однако ее происхождение возможно напрямую от какого-то московского имени (ср. Христофор, греч. Χριστόφορος). Это имя носил и сын боярский *Криштоф (Крыштоф, Крышьтофор) Прокопович Свитин*. По всей видимости, был московитом по происхождению и глава королевской медвежьей охоты в середине XVI в. по имени *Мартин *Подскарбский (Martin, дат. Martino Podskarbski)*. В Москве его могли звать *Мартын*, однако в нашем распоряжении еще несколько московитов в эмиграции по имени *Мартин*, чье имя сохранило исключительно местную версию этого имени (им. *Marcin*, вин. *Martina*). По всей видимости, турецкого и южнославянского происхождения имя Скендер (тур. İskender), под которым в 1565–1568 гг. в Луцке на Волыни проживал московит.

Во втором и третьем поколении выбор имен подчиняется уже в полной мере местным традициям и конфессиональной ориентации семьи. Сын православного апологета князь Дмитрий Курбский переходит, видимо, в католицизм под именем Миколай, а возможно, тогда же или вскоре после этого отказывается и от княжеского титула. При этом его сестра Маруша сохраняет верность православию, будучи и замужем за местным шляхтичем. Ранние потомки князя Ивана Дмитриевича Губки Шуйского носят такие необычные и нечастые имена для русских

князей, как Мануйло (возможно, он же — Михаил) и Теодор. Теодором был и один из сыновей Тимофея Тетерина. Показательно, что сразу у двух братьев Богдана и Василия Бунаков появляются сыновья по имени Ярош. Один из них ходит в католический костел, где даже встречается замужнюю женщину, которую склоняет к браку в кальвинистском «зборе». При этом Василий называет одного сыновей Себастьяном...

Татарские имена не препятствовали записывать эмигрантов и пленных в «москали», если новоприбывшие отметились на службе московского государя или сами себя считали его подданными. Среди таковых Челибей Бахтеяров, Бошман Якушкин, Булат Иванович, Булат-мирза, Булат Михайлович, Василий Мамай (Хлыстов), Данила (Данил, Данило) Мурза Купцевич (в дат. *Daniło Murze, Danielo Murze*), Кунай Татарин, Кучун Лукьянович, возможно — Остафий Ихватович (*Ichuathowicz*), Улан Исновков (*Ulan Isnofków*), Агиш и Умар Сарыхозины, Курган Солтаков (*Surgan Soltakow*) и Солтан (возможно, отец Кургана), Степан Байкачкаров (Бачкачкарев), Сур (дат. *Schurowi*) и, возможно, он же — Сур (*Schure*), Девлет Таганаев, Тихон Казанский, Деменша Черемисинов (*Dementinus, Demenczy, Demense Czeretessinus*), возможно — Хан. С Северного Кавказа были, по всей видимости, С. С. и С. Подгорецкие (если это не одно лицо) и несомненно — черкасские князья по прозвищам Подгорский или Пятигорский (в источниках также Подгорецкий, *Podgorsski* — см. также третий тип фамильных прозвищ выше). Имена немецкого происхождения звучали в Европе более привычно для их исторической родины: слуга кн. А. М. Курбского Александр Кениг, немец-переводчик Вильгельм Пеплер (*Vilhelmus, Gwilhelm Pepler*). В эмиграции А. Шлихтинг — Войтех Шлихтинк. Э. Крузе (в Москве Илерт или Ылерт Круз) — Ергарт Крауз (*Herhard, Erhard Craus, Kraus, Elhardus Kranse de Keless, de Keless, Elearđus Krausse*, вин. *Gilhardum Krausen*), а И. Таубе (в Москве Иван Володимирович Тув или Туд) — Ян Тауб (*Ioannes Taub, Joannes Thaube de Tir*).

Вряд ли парадокс, что эмигранты из Московского государства в европейских источниках изучаемого периода почти никогда не носят двойных имен²³. Нам известен всего один бесспорный случай, когда сын боярский выступает под двойным или даже тройным именем. Это Марк-Умар (Umar-Humer) (Спиридон) Сарыхозин. Впрочем, Марком Умара могли называть современники в книжных контекстах по созвучию с его именем, тогда как Спиридон было, по всей видимости, крестильным именем этого ученого москвиты — Агиш Сарыхозин так называл в 1584–1585 гг. умершего брата, борясь за сохранение за его несовершеннолетним сыном имения отца [Ерусалимский 2018: 287]. Впрочем, эти имена никогда не выступают применительно к Марку-

²³ См. о двуименности в российском XVI в.: [Литвина, Успенский 2020а].

Умару-Спиридону Сарыхозину одновременно. Эмигранты из Российского государства, если они носили два и более «первых» имен, должны были остановиться на одном своем имени и исключить из деловой практики в новом отечестве второе имя.

Как и можно было ожидать, зная московские источники периода, крайне редким для эмигрантов было имя Николай (Миколай) [Успенский 1982: 18–30]. Нам известно всего два примера, причем оба небесспорные. Первый — Николай Ростовский (Mikolaj Rostowski). Второй — Николай Клементьев (Nicolaus Clementis), ученик Иезуитской академии в Вильно с 1580 г. В обоих случаях «московское» (т. е. российское) происхождение спорно, хотя Николай Клементьев и отнесен самими иезуитами к московской нации. Их имя свидетельствует скорее в пользу другого решения. Есть также предполагаемый сын боярский в эмиграции середины XVI в. по имени *Микула*, плененный войском Стефана Батория стрелецкий сотник Микула (предположительно, его принятое в московской документации имя — Павлин Братцов) [Ерусалимский 2020], а также пример принятия имени *Миколай* сыном москвиты — юным кн. Д. А. Курбским, принявшим католичество как Миколай Курбский, по всей видимости, около 1611 г. [Idem 2018: 604–607].

Ономастическая граница возникает между московским и польско-литовским написанием имени *Theodorus (Theodorius) / Федор (Хведор, Phiedor, Phedor, Fedor, Fiodor, Fiedor, Chwiedor)* или *Ходор* (ж. *Федора*), уменьш. *Федко* (*Федько, Хведко, Chwieczko*) или *Федорок* и *Богдан / Bohdan (Bogdan)*, хотя в обоих регионах встречаются и обе его версии (греческая транслитерация и славянская калька), и уменьшительные **Федька* (*Федько*) и **Богдашка* (*Богдашко*). Показателем расхождений служит использование в отдельных семьях москвитов обоих этих имен как неидентичных. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, впрочем, опровергают параллелизм имен *Федор / Богдан* и доказывают, что имя *Богдан* рассматривалось как прозвище, замещающее любое имя, хотя не калькирующее близкого ему по значению календарного *Феодот* [Литвина, Успенский 2020б]. В Короне и Литве нередко имена *Федор* и *Богдан* считались версиями одного и того же (можно предположить также, что он носил двойное имя *Федор-Богдан*). Перебежчика Федора Зубатого польские авторы называют Богданом. В реестрах пленных 1562 г. встречается два полных тезки — дети боярские по имени Богдан Федорович. Так же зовут кн. Б. Ф. Желиховского. Один из сыновей Богдана Бунака носит имя Федор. При этом Федор Кафтырев выступает в польских источниках как Богдан²⁴. Близки по семантике имена, от-

²⁴ См. также об имени «Богдан» в тайной политике Великого княжества Литовского в 1581 г.: [Ерусалимский 2018: 306–323].

ражающие отношение родителей к своим детям, — *Ждан / Бажан* (ср. также *Неждан, Нечай*). Впрочем, на доступных нам источниках об их взаимозаменяемости говорить нет оснований. В одном акте Литовской Метрики под именами *Ждан Иванович* и *Бажан Иванович* выступают два разных московских стрельца, тогда как в паре применительно к одному и тому же человеку эти имена не встречаются.

Крайне редки данные о переименовании эмигрантов в первом поколении. Но даже немногие свидетельства очень ценны. В польско-литовском плену побывали архиепископ великолуцкий и полоцкий *Киприан (Cyprianus)* и протопоп *Марк (Марко)*. Челядница из Полоцка *Агафья* после его взятия войском Стефана Батория переходит в католицизм под именем *Зофья (Zophia)*. Иноческими являются имена учителей особого религиозного учения в рамках православия *Феодосий Косой (Кривой)*, *Вассиан*, *Игнатий*, *Фома*. Тимофей Тетерин перед побегом из России был пострижен в монашество под именем Тихона, однако не принял это имя, сбросив с себя монашеский клобук (по крайней мере, он ни разу не встречается под этим именем в многочисленных источниках до конца своей жизни в эмиграции). Монах московского происхождения Дионисий (Деонисей) был сотрудником кн. А. М. Курбского, а позднее бежал от него. Имена Лже-Дмитрия I и сопровождавших его монахов при побеге хорошо известны. В «воровстве» московские власти обвинили *Григория (Юрия) Отрепьева*, *Варлаама (Яцкога)*, а также монаха Крыпецкого монастыря *Леонида*.

Каким бы ни было прошлое претендентов на московский престол, они все, начиная с Лже-Дмитрия I, отстаивали в своем отечестве и за рубежом, что их подлинное имя царственное — *Дмитрий Иванович*, а для широких масс российского населения они им и были. Переход через границу государства содействовал смене идентичности. Это был переход в другой мир, в котором все было иначе, новая жизнь начиналась, старая — заканчивалась. Определение новоявленного в Речи Посполитой царевича Дмитрия *Расстригой*, зафиксированное и в отношении других лиц в российских источниках, все же нельзя считать даже в его польских транслитерациях (*Rozstryga*) актуальным прозвищем лже-царевича в эмиграции²⁵. «Вернуться» домой таким же, как и прежде, было невозможно, и на этом строились сложные механизмы политической и социальной мобильности, грозившие полностью поменять и эмигрировавшего подданного, и даже правящего монарха. Те или иные попытки эмигрировать предпринимали Василий III (до восшествия на великокняжеский престол) и Иван Грозный. Статус государя и его семьи лишь подчеркивался их многоименностью, которая в XVI–XVII вв. выросла в

²⁵ См. о прозвище *Расстрига (Расстригин, Розстригин)*: [Веселовский 1974: 266].

заметную тенденцию к выпадению великокняжеского и царского рода из общего ряда в России [Литвина, Успенский 2006]. Византинизация имен правящей династии наталкивалась на резкую критику со стороны властей Речи Посполитой — так, предметом полемики в переписке Ивана Грозного со Стефаном Баторием стало имя *Иоанн*, которое король считал неприменимым к москвиту греческим, а царь — единственно возможным для царя в окружении простых *Иванов*²⁶.

Выезд государя за границу угрожал потерей части имен и «высоких» именных форм, что и происходило с царственными эмигрантами и заложниками. Царевичи Федор, Иван и Дмитрий в XVI в. рассматривались как претенденты на польско-литовские престолы. Царь Дмитрий Иванович был «вернувшимся» монархом и основал династию, которой не суждено было утвердиться, как и династии Бориса Годунова, о котором ходили слухи, что он бежал, как планировал еще Иван IV, в Англию. «Цари» Шуйские окончили свою жизнь в Короне Польской, и все эти пленники Сигизмунда III Вазы были известны за границей только под своими «основными» именами. В правление династии Романовых, царей Михаила и Алексея, для многих было ясно, что высшая власть восходит к ставленнику Тушинского лагеря и затворнику Сигизмунда III Вазы — государю и патриарху Филарету Никитичу. Наконец, такие правители XVII в., как Федор Алексеевич и Петр Алексеевич, были тесно связаны с европейскими проектами, первый — теми же проектами восшествия на польско-литовские престолы, европейским воспитанием и своим браком с А. С. Грушецкой, второй — исчезновением в Европе под вымышленным именем *Петра Михайлова*, которое он также приобрел, пересекая границы России и Европы. Фамильное прозвище Петра I при этом было составлено по неброскому для европейских правителей московскому образцу и маркировало происхождение от царственного Михаила Федоровича, а не от боярских родов Романовых и Захарьиных-Юрьевых. Уже в свое отсутствие дома Петр Алексеевич обрек подданных на догадки относительно своей участи, а когда он вернулся из Европы, многие не поверили, что это все еще он.

В заключение следовало бы оговориться, что стратегии трансформации имен эмигрантов в редких случаях проверяются данными об апроприации новых имен самими их носителями. Большинство данных почерпнуто нами из таких публичных источников, как акты книги местных судов Речи Посполитой, Архив Королевской Казны и Литовская Метрика. Эмигранты из московских земель Нового времени

²⁶ Это и подобные столкновения могут подкрепить исследования изменений в «русской антропонимической парадигме». Концепция выдвинута и обоснована в [Вардиц 2019].

остаются одной из самых «молчаливых» групп, однако в ряде случаев (прежде всего, кн. Андрей Курбский, Владимир Заболоцкий, Михаил Головин, Сарыхозины, Тетерины, Иван Бурцев) даже публичные источники отражают готовность или нежелание менять свое имя, а также позволяют проследить горизонты этой готовности. Кроме того, складывающиеся различия в имянаречении в России и Речи Посполитой заставляют задаться вопросом, насколько эти различия были преодолимы для эмигрантов, которые оказывались в непривычной для них языковой ситуации, где их имя становилось слишком выразительным маркером их происхождения.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

ЦДІАУ-К – Центральний державний історичний архів (у Києві)

ЦДІАУ-Л – Центральний державний історичний архів (у Львові)

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych (w Warszawie)

VUB – Vilniaus universiteto biblioteka

Библиография

Источники

Рукописи

КГВ

ЦДІАУ-К, ф. 28 (Володимирський гродський суд), оп. 1, Книга гродская Владимирская 1574 г.

КГВн

ЦДІАУ-К, ф. 44 (Вінницький гродський суд), оп. 1, № 1, Книга гродская Винницкая, актовая книга за 1543–1565 гг.

КЗК

ЦДІАУ-К, ф. 22 (Кременецький земський суд), оп. 1, спр. 5. Книга земская кременецкая, 1577 г.

КМЛ

ЦДІАУ-Л, ф. 52 (Львівська лава), оп. 2, спр. 10, 19. Книги магистрата Львова (Магістрат міста Львова, 1356–1939 pp).

ЛМ

РГАДА, ф. 389, оп. 1, Литовская Метрика, № 47, 77, 285, 286.

Сапегу

ЦДІАУ-К, ф. 48 (Сапегу), оп. 1, спр. 208.

ASK

AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego., dz. 1, № 67, 133, 192, 259.

ŽŽТ

VUB, F 7 (Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teismų aktai), Žemaitijos žemės teismo bylos, 1600.

Издания

ДРАИУ, 1

Документы российских архивов по истории Украины, 1: Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг., сост. Л. Войтович, Л. Заборовский, Я. Исаевич, Ф. Сысин, А. Турилов, Б. Флоря, Львов, 1998.

Литература

Білоус 2008

Білоус Н., *Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Міська влада і самоврядування*, Київ, 2008.

Вардиц 2019

Вардиц В., Русское имянаречение Нового времени: социально-культурные и политико-идеологические механизмы антропонимических сдвигов, *Вопросы ономастики*, 16/2, 2019, 129–144.

Веселовский 1974

Веселовский С. Б., *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

Владимирский-Буданов 1886

Владимирский-Буданов М. Ф., Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века, *Архив Юго-Западной России*, 7, 1, 1–2, Киев, 1886, 1–85.

Грушевський 1995

Грушевський М. С., *Історія України-Руси в одинадцяти томах, дванадцяти книгах, 6: Життя економічне, культурне, національне XIV–XVII віків*, Київ, 1995.

Ерусалимский 2018

Ерусалимский К. Ю., *На службе короля и Речи Посполитой*, Москва, С.-Петербург, 2018.

— 2020

Ерусалимский К. Ю., Стрелецкий сотник Микула — *Московит*, о котором узнала Европа, *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*, О. И. Тогоева, И. Н. Данилевский, ред., 15, Москва, 2020, 187–214.

Казаков 2009

Казаков А. В., Имена русских эмигрантов на фоне антропонимии Великого княжества Литовского (конец XV – первая половина XVI вв.), *Верхнее Подонье: Археология. История*, 4, Тула, 2009, 236–239.

Казакоў 2010

Казакоў А. У., *Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI ст.)* (диссертация на суіск. вуч. ступ. канд. гіст. навук, Мінск, 2010).

Клепатский 2007

Клепатский П. Г., *Очерки по истории Киевской Земли. Литовский период*, Біла Церква, 2007.

Ковальський 1956

Ковальський Н. П., *Связи западноукраинских земель с Русским государством (вторая половина XVI–XVII вв.)* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Львов, 1956).

— 1985

Ковальський Н. П., *Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI – первая половина XVII в.)*, Днепропетровск, 1985.

Ковальський 1972

Ковальський М. П., *Джерела про початковий етап друкарства на Україні: Діяльність періодукаря Івана Федорова в 70-х – на поч. 80-х рр. XVI ст.* Посібник для студентів, Дніпропетровськ, 1972.

Крип'якевич 1953

Крип'якевич І. П., *Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст.: Нариси*, Київ, 1953.

——— 1994

Крип'якевич І. П., *Львівська Русь в першій половині XVI ст.: дослідження і матеріали*, Львів, 1994.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2020a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «*Се яз раб Божий...*» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

——— 2020b

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова, *Slověne*, 1, 2020, 185–231.

Полонский 2012

Полонский Д. Г., Самоуничительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI – XVII в., *Именослов. История языка. История культуры*, Ф. Б. Успенский, отв. ред., Москва, 2012, 81–112.

Селин 2010

Селин А. А., Имена служилых людей Новгорода начала XVII в., *Palaeoslavica*, 18/1, 2010, 32–50.

Трійняк 2005

Трійняк І. І., *Словник українських імен*, Київ, 2005.

Тупиков 2004

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, В. М. Воробьев, сост., Ф. Б. Успенский, авт. ст., Москва, 2004.

Успенский 1982

Успенский Б. А., *Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Москва, 1982.

Флоря 2002

Флоря Б. Н., К истории Смуты на Западе России, *Отечественная история*, 3, 2002, 130–134.

Auerbach 1985

Auerbach I., *Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts*, München, 1985.

Górski 1954

Górski K., W sprawie statystyk narodowościowych w późnym średniowieczu, *Przegląd Zachodni*, 10/7–8, 1954, 445–454.

Grala 1999

Grala H., “Ex Moschouia ortum habent”. Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich, *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*, 4 (15), Warszawa, 1999, 101–130.

Janeczek 1991

Janeczek A., *Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Bełskie od schyłku XIV do początku XVII w.*, Warszawa, 1991.

Jabłonowski 1893

Jabłonowski A., Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną, *Kwartalnik historyczny*, 7/3, 1893, 408–435.

Luber 1983

Luber S., *Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen*, Wiesbaden, 1983.

Lück 1934

Lück K., *Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens*, Plauen, 1934.

Mytnik 2013

Mytnik I., Antroponimia szlachty ukraińskiej i bojarów w XVI–XVIII w., *Studia Ucrainica Varsoviensia*, 1, Warszawa, 2013, 189–205.

——— 2019

Mytnik I., *Imiennictwo ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku*, Warszawa, Lublin, 2019.

Ragauskaitė 2005

Ragauskaitė A., *XVI–XVIII a. kauniečių asmenvardžiai*, Vilnius, 2005.

Sękowski 1964

Sękowski R., Przyczynek do dyskusji w sprawie kryteriów przynależności narodowościowej epoce feudalnej, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia*, 8 (23), 1964, 207–217.

Tomkiewicz 1948

Tomkiewicz W., O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku, *Przegląd historyczny*, 37, 1948, 249–260.

Urban 1983

Urban W., Skład narodowościowy mieszczaństwa krakowskiego w latach 1574–1660 w świetle akt grodzkich, *Spółeczeństwo staropolskie*, 3, Warszawa, 1983, 121–138.

References

Auerbach I., *Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts*, München, 1985.

Bilous N., *Kyiv in the Late 15th–Early 17th Centuries. Town Authorities and Self-Government*, Kyiv, 2008.

Erusalimskiy K. Yu., *At the service of the king and the republic*, Moscow, St. Petersburg, 2018.

Erusalimskiy K. Yu., The captain of the arquebusiers Mykula: A Muscovite, who was made known in Europe, O. Togoewa, I. Danilevsky, eds., *Casus. The individual and unique in history*, 15, Moscow, 2020, 187–214.

Florya B. N., K istorii Smuty na Zapade Rossii, *Otechestvennaia istoriia*, 3, 2002, 130–134.

Górski K., W sprawie statystyk narodowościowych w późnym średniowieczu, *Przegląd Zachodni*, 10/7–8, 1954, 445–454.

Grala H., "Ex Moschouia ortum habent". Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich, *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*, 4 (15), Warszawa, 1999, 101–130.

Hrushevsky M. S., *Istoriia Ukraïny-Rusy v odyndsiaty tomakh, dvanadsiaty knykhakh*, 6: *Zhytie ekonomichne, kul'turne, natsional'ne XIV–XVII vikiv*, Kyiv, 1995.

Janeček A., *Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo Belskie od schyłku XIV do początku XVII w.*, Warszawa, 1991.

Kazakou A. U., Imena russkikh emigrantov na fone antroponimii Velikogo kniazhestva Litovskogo (konets XV – pervaja polovina XVI vv.), *Verkhnee Podon'e: Arkheologiia*. Istorii, 4, Tula, 2009, 236–239.

Klepatsky P. G., *Ocherki po istorii Kievskoi Zemli. Litovskii period*, Bila Tserkva, 2007.

Koval's'ky M. P., *Dzherela pro pochatkovyï etap drukarstva na Ukraïni: Diial'nist' pershodrukaria Ivana Fedorova v 70-kh – na poch. 80-kh rr. XVI st.*, Dnepropetrovsk, 1972.

Koval's'ky M. P., *Ystochnykovednye ystorry ukraynsko-russkykh sviazeï (XVI – pervaja polovyna XVII v.)*, Dnepropetrovsk, 1985.

Krypiakevych I. P., *Istoriia Ukraïny-Rusy v odyndsiaty tomakh, dvanadsiaty knykhakh*, 6: *Zhytie ekonomichne, kul'turne, natsional'ne XIV–XVII vikiv*, Lviv, 1994.

Krypiakevych I. P., *Zv'iazky Zakhidnoi Ukraïny z Rosiïiu do seredyny XVII st.: Narysy*, Kyiv, 1953.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., «*Se iaz rab Bozhii...*» *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., The True and Fake Names of Boris Godunov, *Slověne*, 1, 2020, 185–231.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazeï v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prïzmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Luber S., *Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen*, Wiesbaden, 1983.

Lück K., *Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens*, Plauen, 1934.

Mytnik I., Antroponimia szlachty ukraińskiej i bojarów w XVI–XVIII w., *Studia Ucrainica Varsoviensia*, 1, Warszawa, 2013, 189–205.

Mytnik I., *Imiennictwo ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku*, Warszawa, Lublin, 2019.

Polonski D. G., Samounichizhiteľ'naia modifikatsiia imen „inozemtsev“ pod perom russkikh prikaznykh kontsa XVI – XVII vv., F. B. Uspenskij, ed., *Imenoslov. Istoriiia iazyka. Istoriiia kul'tury*, Moscow, 2012, 81–112.

Ragauskaitė A., *XVI–XVIII a. kauniečių asmenvardžiai*, Vilnius, 2005.

Sękowski R., Przyczynek do dyskusji w sprawie kryteriów przynależności narodowościowej w epoce feudalnej, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia*, 8 (23), 1964, 207–217.

Selin A. A., Imena sluzhilykh liudei Novgoroda nachala XVII v., *Palaeoslavica*, 18/1, 2010, 32–50.

Tomkiewicz W., O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku, *Przegląd historyczny*, 37, 1948, 249–260.

Triynyak I. I., *Slovyk ukrainskykh imen*, Kyiv, 2005.

Urban W., Skład narodowościowy mieszczaństwa krakowskiego w latach 1574–1660 w świetle akt grodzkich, *Spoleczeństwo staropolskie*, 3, Warszawa, 1983, 121–138.

Uspenskij B. A., *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: (Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo)*, Moscow, 1982.

Veselovskii S. B., *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozviščha i familii*, Moscow, 1974.

Vorob'ev V. M., Uspenskij F. B., eds., Tupikov N. M., *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moscow, 2004.

Warditz V. V., Russian Name-Giving of the New Time: Socio-Cultural and Political Ideological Mechanisms of Anthroponymic Shifts, *Problems of Onomastics*, 16/2, 2019, 129–144.

Константин Юрьевич Ерусалимский, доктор исторических наук

доцент, главный научный сотрудник

Российского государственного гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

Россия / Russia

kerusalismki@mail.ru

Received April 25, 2021